

INSPIRIA

Люсинда
Райли

Полуночная РОЗА

INSPIRIA

Люсинда Райли
Полуночная роза
Серия «**Novel. Мировые**
хиты Люсинды Райли»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58505553
Полуночная роза: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-100015-8

Аннотация

Роман, изданный в 45 странах.

В мире продано более 17 000 000 экземпляров книг Люсинды Райли.

Шорт-лист премии «Eric Novel» в категории «романтическая проза».

В романе «Полуночная роза» среди сверкающих дворцов индийских махарадж и величественных домов британских аристократов разворачивается история жизни девушки-простолюдинки по имени Анахита, чей путь от компаньонки принцессы до возлюбленной молодого лорда устлан удивительными приключениями, последствия которых будут занимать умы потомков даже полвека спустя, став поворотными моментами в их судьбе...

Дарджилинг, Индия, наши дни.

Анахите Чаван исполняется сто лет, и она просит своего правнука Ари, успешного бизнесмена, об одолжении.

Анахита всю жизнь хотела узнать, что случилось с ее первенцем, которого она потеряла совсем маленьким в Англии, вскоре после Первой мировой войны. Ей сказали, что ребенок погиб, но Анахита была уверена, что это ложь.

Когда Ари отправляется в Англию, перед ним открывается доселе неизвестная часть жизни Анахиты, чей путь повлиял даже на ход мировой истории.

«Потрясающе увлекательная книга, от которой невозможно оторваться.» WeLoveThisBook.co.uk

«Люсинда Райли – выдающийся писатель.» Sunday Express

«Люсинда Райли мастерски управляет поворотами сюжета.»
The Independent

Содержание

Люсинда Райли	5
Дарджилинг, Индия	7
Пролог	7
Год спустя	26
Лондон	33
1	33
2	47
3	68
4	82
5	88
Джайпур, Индия,	106
6	106
7	117
8	126
9	139
10	148
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Люсинда Райли

Полуночная роза

Посвящается Леоноре

*Пусть мои мысли долетят до тебя, когда я
уйду, словно отблеск заката на окраине звездной
тишины.*

Рабиндранат Тагор

Дарджилинг, Индия

Февраль 2000

Пролог

Анахита

Сегодня мне исполняется сто лет. Я не только прожила целый век, но и встретила новое тысячелетие.

За окном, над вершинами Канченджанга, встает солнце, а я лежу в постели и улыбаюсь своим мыслям. Просто смешно. Будь я, например, изящным креслом, давно считалась бы антиквариатом. Меня бы отреставрировали, отполировали и выставили напоказ, чтобы все могли оценить мою красоту. К несчастью, с человеком такого не сделаешь. В отличие от произведений краснодеревщика наше тело с годами не становится прекраснее. Моя телесная оболочка превратилась в прохудившийся мешок с костями. Вся красота – глубоко внутри: накопившаяся за сто лет мудрость и сердце, которое бьется в такт с чувствами.

Ровно сто лет назад мои родители, как принято в Индии, попросили астрологов предсказать судьбу своей новорожденной дочери. По маминым словам, мне предрекли долгую жизнь, однако в тысяча девятисотом году мама с папой счи-

тали, что я проживу в лучшем случае лет шестьдесят.

Раздается негромкий стук в дверь. Моя верная служанка Кева принесла поднос с чаем «Английский завтрак» и кувшинчиком холодного молока. Пить чай по-английски – привычка, от которой я не смогла отказаться за семьдесят восемь лет жизни в Индии.

Я не отвечаю на стук, желая в это особенное утро подольше побыть наедине со своими мыслями. Кева наверняка захочет обговорить со мной события дня и потребует, чтобы я немедленно вставала с постели, торопясь привести меня в порядок, прежде чем начнут съезжаться гости.

Облака над заснеженными вершинами загораются розовым, и я устремляю взор в небеса в поисках ответа на вопрос, который задаю себе каждое утро уже семьдесят восемь лет.

Пожалуйста, пусть это будет сегодня, прошу я богов, потому что знаю: мой сын жив. Всегда знала, с того самого дня, когда увидела его в последний раз. Если бы он умер, я бы почувствовала. Я всегда чувствую, когда уходит кто-то из близких.

На глазах выступают слезы. Я поворачиваюсь к прикроватному столику, где стоит единственная сохранившаяся фотография моего первенца – двухгодовалый херувимчик улыбается, сидя у меня на руках. Этот снимок я получила от своей подруги Индиры вместе со свидетельством о смерти, через несколько недель после страшной новости.

Целую жизнь назад. Мой сын теперь тоже в преклонном

возрасте. В октябре нынешнего года он отпразднует восемьдесят первый день рождения. Я всегда отличалась богатым воображением, но не могу представить его старым.

Решительно отвожу взгляд от фотографии: сегодня мне положено наслаждаться праздником, который устраивают в мою честь родные. Хотя почему-то именно в праздничные дни, когда я вижу дочь, внуков и правнуков, боль от потери сына становится еще невыносимее.

Все они уверены, что мой сын умер семьдесят восемь лет назад.

– Тебе ведь даже выдали свидетельство о смерти, оставь его покоиться с миром, – со вздохом говорит моя дочь Мунна. – Радуйся, что у тебя есть мы.

Прошло столько лет; я знаю, что огорчаю Муну, и, по-своему, она права. Дочери хочется, чтобы мне хватало ее одной, она не понимает, что потерянный ребенок навсегда остается в материнском сердце.

А сегодня все пройдет так, как хочет моя дочь. Я буду принимать поздравления и радоваться, что стала прародительницей такой славной династии. Зачем докучать внукам рассказами о прошлом? Они ездят в быстрых мощных автомобилях, а их дети играют современными электронными игрушками. Им не интересно, что мы с Индирой скакали по горным тропам Дарджилинга верхом на лошадях, а электричество и водопровод считались роскошью. А как жадно я проглатывала любую самую потрепанную книгу, попавшую

мне в руки! Молодежь раздражают истории о далеких временах. Они хотят жить настоящим, как в свое время и мы.

Думаю, большая часть моей семьи не слишком рада необходимости лететь через полстраны в гости к древней старухе, отмечающей сотый день рождения. Впрочем, возможно, я слишком строга к ним. Последние несколько лет я много размышляла о том, почему юные испытывают неловкость, встречаясь со старшим поколением. А ведь мы могли бы многому их научить.

Я догадалась, в чем дело: глядя на наши немощные тела, они видят, что готовит им будущее, понимают, что они, такие красивые и полные сил, когда-нибудь тоже увянут, и не задумываются о том, что получают взамен.

Со временем они научатся видеть то, что внутри, и поймут, что жизненный опыт облагораживает душу, приглушает импульсивность и умиряет эгоистичные мысли. Такова человеческая природа, во всей ее сложности и многообразии. Спорить с ней бессмысленно.

Когда Кева вновь стучит в дверь, я отзываюсь. Она что-то быстро щебечет на хинди, а я потягиваю чай и вспоминаю имена четырех внуков и одиннадцати правнуков.

В сто лет нужно постоянно доказывать себе, что ты еще не выжила из ума.

Внуки, которых подарила мне дочь, добились успеха в жизни и сами стали заботливыми родителями. Они живут счастливо в новой, свободной стране, а их дети пошли еще

дальше. По меньшей мере шестеро создали свой бизнес или получили престижную профессию.

Мне всегда хотелось, чтобы хоть один из моих многочисленных отпрысков проявил интерес к медицине, пошел по моим стопам, однако я понимаю, что это эгоистично; нельзя требовать от жизни всего.

Пока Кева ведет меня в ванную и помогает мыться, я размышляю о том, что на стороне моих потомков были удача, хорошая наследственность и семейные связи. Нашей стране потребуется еще не один десяток лет, чтобы миллионы ее жителей, которые голодают и не имеют крыши над головой, смогли удовлетворить свои основные потребности.

Я долгие годы делала все возможное, чтобы им помочь, однако мои усилия – лишь рябь на поверхности безбрежного океана нищеты и лишений.

Терпеливо жду, пока Кева наденет на меня новое сари – подарок от Муны, и обещаю себе не грустить. Я всегда старалась помогать людям, с которыми свела меня судьба, и мне не в чем себя упрекнуть.

– Прекрасно выглядите, мадам Чаван.

Зеркало подсказывает, что Кева лжет, но все равно приятно. Я провожу пальцами по нитке жемчуга, которую ношу, не снимая, почти восемьдесят лет. Согласно завещанию, она достанется Муне.

– Ваша дочь приедет в одиннадцать, а остальные – часом позже. Где вас устроить, пока не соберутся гости?

Я улыбаюсь, чувствуя себя антикварным креслом.

– У окна, посмотрю пока на свои горы, – говорю я.

Кева помогает мне встать, подводит к окну и усаживает.

– Принести вам что-нибудь?

– Нет, лучше сходи на кухню и проверь, как дела с обедом.

– Хорошо, мадам.

Она ставит колокольчик с прикроватной тумбочки на столик рядом со мной и выходит.

Поворачиваю лицо к солнцу, льющему лучи в большое панорамное окно коттеджа на вершине холма. Греясь на солнышке, как старая кошка, вспоминаю друзей, которые уже отправились в мир иной и не смогут прийти на торжество. Моя лучшая подруга Индира умерла больше пятнадцати лет назад. Признаюсь, это был один из немногих моментов, когда я не смогла удержать себя в руках и разрыдалась. Даже преданность дочери не сравнится с любовью и дружбой Индиры. Несмотря на эгоистичный и взбалмошный характер, она поддерживала меня в самые трудные минуты.

Мой взгляд падает на письменный столик в нише напротив; в запертом ящике лежит письмо из трехсот страниц, которое я написала сыну. В нем – вся моя жизнь. Шли годы, и я боялась, что подробности изгладятся из памяти, станут размытыми и зернистыми, как черно-белая пленка старого немого кинофильма. Если мой сын жив – а я в это верю – и если он меня найдет, я хотела бы рассказать ему о своей жизни, о том, как его любила и как потеряла. Когда я нача-

ла писать, мне было около пятидесяти, и я полагала, что могу уйти в любую минуту. Рукопись пролежала в столе почти полвека, никем не прочитанная, ведь сына я до сих пор не нашла. Даже моя любимая дочь не знает, как я жила до ее появления на свет. Порой я чувствую себя виноватой, что не раскрыла ей правду. Впрочем, она, в отличие от своего брата, знает, что такое материнская любовь.

Воскрешая в памяти стопку пожелтевших листков, я прошу богов дать мне знак. Нельзя, чтобы после моей смерти, которая уже не за горами, рукопись попала в чужие руки. Может, просто попросить Кеву сжечь бумаги?

Нет, я по-прежнему надеюсь найти сына. В конце концов, я дожила до ста лет, а вдруг доживу до ста десяти? Вот только кому доверить письмо?

Я мысленно перебираю всех членов семьи, прислушиваясь к себе, и останавливаюсь на одном из правнуков. Ари Малик, первенец моего старшего внука, Вивека. Когда по позвоночнику поднимается дрожь – знак свыше, от тех, кто понимает гораздо больше меня, я улыбаюсь. Ари – единственный в нашей семье, кому достались голубые глаза. Не считая моего любимого потерянного ребенка.

Я стараюсь вспомнить, где он живет и чем занимается. Это не просто – у меня одиннадцать правнуков, которые живут в разных городах, и я редко их вижу.

Вивек, отец Ари, – самый обеспеченный из моих внуков. Он всегда был умным, хотя немного медлительным. Вивек

стал инженером и в состоянии обеспечить жене и троим детям все самое лучшее. Ари получил образование в Англии. Он с детства отличался множеством талантов, только вот не помню, чем занялся после школы. Сегодня присмотрюсь к нему внимательнее. И обязательно узнаю, верна ли моя догадка. Приняв решение, я успокаиваюсь, прикрываю глаза и позволяю себе вздремнуть.

– Где же Ари? – прошептала Самина мужу. – Просила ведь не опаздывать! – взволнованно добавила она, оглядывая толпу собравшихся в гостиной родственников, осыпающих виновницу торжества подарками и комплиментами.

– Не паникуй, Самина, – успокоил жену Вивек, – сейчас будет.

– Он обещал, что встретит нас на вокзале в десять часов, чтобы прийти на праздник вместе, как все нормальные семьи. Клянусь, Вивек, этот мальчишка не уважает семейные ценности, и я...

– Тише, дорогая, он хороший мальчик, просто очень занят.

– Ты думаешь? – спросила Самина. – Я что-то начинаю сомневаться. Каждый раз, когда я звоню ему по городскому телефону, мне отвечает новый женский голос. Знаешь ведь, что такое Мумбаи: там полно бессовестных болливудских хищниц! – Она понизила голос, не желая, чтобы их услышали.

– Между прочим, нашему сыну двадцать пять лет, у него свое дело, и он как-то справляется, – пожал плечами Вивек.

– Пора открывать шампанское и произносить тосты. Кева опасается, что бабушка устанет, если мы заставим ее ждать, – вздохнула Самина. – Если Ари не появится в течение десяти минут, я попрошу начинать без него.

– Я же сказал, что сейчас будет... – Вивек широко улыбнулся своему любимому сыну, входящему в комнату. – Твоя мама, как всегда, поднимает панику, – добавил он, тепло обнимая Ари.

– Ты обещал быть на вокзале, мы прождали целый час! – нахмурилась Самина, отлично понимая, что не сможет долго сопротивляться обаянию своего отпрыска.

– Прости, мамуля. – Ари нежно взял ее за руки и торжественно улыбнулся. – Меня задержали срочные дела, и я пытался дозвониться, но твой мобильный, как всегда, отключен.

Ари с Вивеком заговорщически переглянулись. Неумение Самины пользоваться мобильным телефоном всегда было в семье поводом для шуток.

– Как бы то ни было, я здесь. Я что-то пропустил? – Ари обвел глазами комнату.

– Нет, к счастью, у Анахиты столько гостей, что она не заметила твоего опоздания, – ответил Вивек.

Повернувшись к основательнице рода, гены которой передались ему через поколения, Ари заметил на себе испытыва-

ющий взгляд.

– Ари, ты все-таки решил к нам присоединиться, – улыбнулась Анахита, – подойди и поцелуй свою прабабушку.

– Может, твоей бабушке и сто лет, но она все замечает, – прошептала Самина Вивеку.

Анахита протянула к Ари хрупкие руки. Толпа расступилась, и все глаза обратились на него. Молодой человек подошел к имениннице, опустился на колени и склонился в глубоком поклоне, ожидая благословения.

– Прости, что опоздал, нани¹, мне пришлось проделать долгий путь.

Анахита посмотрела ему в глаза так пристально, словно хотела заглянуть прямо в душу.

– Ничего, – ответила она, легко прикоснувшись тонкими иссохшими пальцами к щеке внука. – Хотя я всегда считала будильник чрезвычайно полезным изобретением, – добавила она почти шепотом, исподтишка подмигнула ему и показала, чтобы он встал. – Поговорим с тобой позже. Кеве не терпится начать церемонию.

– Да, нани, – залившись краской, ответил Ари, – с днем рождения!

Возвращаясь к родителям, молодой человек недоумевал, откуда прабабушка знает причину его опоздания.

Дальше все шло по плану. На правах старшего внука Анахиты Вивек произнес прочувствованную речь о ее замеча-

¹ Нани – уважительное обращение к старшей родственнице в Индии.

тельной жизни. Шампанское лилось рекой, языки развязались, и неловкость, всегда сопровождающая массовые семейные сборища, исчезла. Редко встречающиеся между собой старшие родственники вспомнили, кто есть кто, неизбежное соперничество отошло на второй план, а их отпрыски перестали стесняться и нашли общий язык.

– Ты только посмотри на своего сына! – сказала Вивеку Муна. – Кузины вокруг него так и выются. Ему пора подумать о женитьбе.

– Сомневаюсь, что это входит в его планы, – ответила све-крови Самина. – Современные мужчины не женятся раньше тридцати.

– Значит, вы не собираетесь искать ему невесту? – поинтересовалась Муна.

– Мы бы с радостью, только вряд ли он согласится с нашим выбором, – вздохнул Вивек. – У нового поколения свои понятия. У Ари собственное дело, он путешествует по всему миру. Времена изменились, мама, и мы с Саминой позволим детям выбирать спутников жизни самостоятельно.

– Неужели? – подняла бровь Муна. – Какая современная точка зрения! Между прочим, из вас вышла неплохая пара.

– Да, мама. – Вивек взял Самину за руку и улыбнулся. – Ты нашла мне прекрасную жену.

– Мы не можем плыть против течения, – поддержала его Самина. – Молодежь теперь поступает, как им заблагорассудится, они хотят решать все сами. – Желая поменять тему,

она нашла взглядом Анахиту. – Ваша мать – такая прелесть, просто чудо!

– Мама – большая умница, только меня беспокоит, что она живет здесь с одной лишь Кевой, – вздохнула Муна. – Зимой в горах холодно, это вредно для ее старых косточек. Я много раз звала ее к нам в Гухагар, но она упорно отказывается. Говорит, что здесь чувствует себя ближе к корням и к своему прошлому.

– Ох, уж это таинственное прошлое, – сказал Вивек. – Мама, ты когда-нибудь выпытаешь у нее, кто твой отец? Я знаю, что он умер еще до твоего рождения, но и только.

– Меня это интересовало, когда я росла. Тогда я засыпала ее вопросами, а сейчас... Какая разница? Мама любила меня за двоих, и я не хочу ее огорчать, – пожала плечами Муна, с любовью посмотрев на Анахиту.

Та поймала ее взгляд и поманила дочь к себе. Муна подошла к матери.

– Что ты хотела, матаджи?²

– Я немного устала. Пожалуй, вздремну, – подавила зевок Анахита. – А потом мне надо поговорить со старшим правнуком, Ари.

– Кева, отведи маму в спальню, пожалуйста. – Муна помогла матери встать и, оставив ее на попечении служанки, вернулась к сыну с невесткой. – Мама пошла отдыхать, а после хочет поговорить с Ари.

² Матаджи – ласковое обращение к матери (*хинди*).

– Правда? – удивился Вивек. – Интересно, о чем?

– Кто знает? – вздохнула Муна.

– Надо предупредить Ари: по-моему, он не собирался задерживаться. У него рано утром деловая встреча в Мумбаи.

– Ничего, пусть хоть раз в жизни поставит на первое место семью, – сердито сказала Самина. – Пойду разыщу его.

Когда мать сообщила Ари, что прабабушка хочет с ним поговорить, тот, как и предполагал Вивек, вовсе не обрадовался.

– Я не могу пропустить самолет, – заявил он. – У меня важные дела.

– Тогда пусть отец скажет своей бабушке, которая отмечает столетний юбилей, что ее старшему правнуку некогда.

– Ну, мам... – вздохнул Ари, увидев, как помрачнела мать. – Ладно, останусь. Только мне надо найти сигнал и позвонить, чтобы отменить встречу.

Самина проводила взглядом своего первенца, уткнувшегося в телефон. Он с детства отличался редкостным упрямством, и его, конечно же, избаловали. Ари всегда был особенным, с той минуты, как открыл голубые глаза, из-за которых Вивек в шутку упрекал жену в измене. А когда они показали малыша Анахите, та сообщила, что ребенок унаследовал цвет глаз от погибшего отца Муны.

Кожа у Ари была светлее, чем у брата и сестры, его удивительная внешность привлекала всеобщее внимание, и к двадцати пяти годам он слегка задрал нос. Юношу спасала толь-

ко мягкость характера. Самого ласкового и заботливого из детей, его никогда не надо было просить о помощи – пока он не уехал в Мумбаи и не открыл свое дело.

Самину беспокоило, что в последнее время старший сын отдалился, стал жестким и эгоистичным, и все же она надеялась, что со временем это пройдет.

– Теперь можешь позвать моего правнука, – объявила Анахита, когда Кева усадила ее на кровати и поправила подушки.

– Да, мадам. Я приведу его.

– И проследи, чтобы нас не беспокоили.

– Хорошо.

– Добрый день, нани! Хорошо отдохнула? – В комнату вошел Ари.

– Да. Садись, дружок, – указала на стул Анахита. – Прости, что нарушила твои планы.

– Ничего страшного, – вновь покраснел Ари, удивляясь, как престарелой родственнице удастся читать его мысли.

– Твой отец сказал, что ты живешь в Мумбаи и у тебя успешный бизнес.

– Ну, пока еще не очень, но я упорно работаю и рассчитываю добиться успеха.

– Я вижу, ты честолюбивый юноша, и уверена, что в один прекрасный день твое дело принесет плоды, на которые ты надеешься.

– Спасибо, нани.

Женщина едва заметно улыбнулась:

– Хотя вряд ли это принесет тебе счастье. Жизнь – не только карьера и богатство. Со временем ты и сам это поймешь... А сейчас, Ари, я хочу дать тебе одну вещь. Пожалуйста, открой бюро и достань рукопись.

Ари взял протянутый ему ключ, открыл ящик и вытащил стопку пожелтевших листков.

– Что это? – удивленно спросил он.

– История моей жизни. Я написала ее для своего потерянного сына. К несчастью, я так и не нашла его.

Глаза Анахиты увлажнились.

Много лет назад Ари краем уха слышал разговоры о сыне прабабушки, который умер совсем маленьким во время войны. Вроде бы ей пришлось оставить ребенка в Англии, когда она возвращалась в Индию... Очевидно, Анахита отказывалась поверить, что ее сын мертв.

– Гм... я думал...

– Знаю, тебе сказали, что у меня даже есть свидетельство о смерти, а я – всего лишь обезумевшая от горя мать, которая отказывается поверить в гибель своего ребенка.

Ари неловко поерзал на стуле.

– Да, так думают твои родные и почти наверняка думаешь ты, – холодно произнесла Анахита. – Но поверь, на земле и в небесах существует много такого, что невозможно отразить в документах. Существуют материнское сердце и душа, ко-

торые говорят на особом языке. И я знаю, что мой сын жив.

– Я верю тебе, нани.

– Сомневаюсь, – пожала плечами Анахита. – Не важно. Я сама виновата, что моя семья мне не верит: не потрудилась объяснить им, что произошло много лет назад.

– Почему же?

– Потому что... – Она перевела взгляд на свои любимые горы и покачала головой. – Нет, я не буду ничего говорить. Все – там. Придет время, и ты прочтешь мою историю. Тогда сам решишь, стоит ли этим заниматься.

– Понимаю, – произнес Ари, хотя ничего не понимал.

– Прошу лишь не обсуждать прочитанное ни с кем из моей семьи, пока я жива. Я вверяю тебе свою жизнь, Ари. Ты ведь понимаешь, мое время истекает.

Молодой человек удивленно посмотрел на прабабушку.

– Ты хочешь, чтобы я прочел это и попробовал найти твоего сына? – уточнил он.

– Да.

– А с чего мне начинать?

– С Англии. Иди по моим следам. Все, что нужно, – в твоих руках. Кроме того, твой отец говорит, что ты владеешь компьютерной компанией. В твоём распоряжении все эти «сети»...

Ари подавил смешок:

– Ты имеешь в виду интернет?

– Уверена, тебе ничего не стоит найти место, откуда все

началось, – заключила Анахита.

Ари проследил за взглядом старушки.

– Потрясающий вид, – произнес он, не придумав ничего лучшего.

– Да, поэтому я не хочу отсюда уезжать, несмотря на просьбы дочери. В один прекрасный день я с радостью улечу высоко-высоко, выше этих гор. Я встречу там многих, кого оплакивала в этой жизни. Но не того, кого хотела бы увидеть больше всего на свете.

– Откуда ты знаешь, что он жив?

– Там все написано, – устало прикрыв глаза, ответила Анахита.

Ари понял, что аудиенция окончена.

– Отдыхай, нани.

Анахита кивнула. Ари встал на колени, поклонился и поцеловал ее в щеки.

– До свидания, надеюсь, скоро увидимся.

– Все может быть, – ответила она.

Уже на выходе молодой человек неожиданно обернулся:

– Нани, почему я? Почему ты не отдала эти записи своей дочери или моему отцу?

– Потому что в них – не только мое прошлое, но и твое будущее, Ари, – загадочно произнесла она.

Станный разговор истощил все его силы. Ари прошел в прихожую, взял из-под вешалки свой портфель и засунул туда пожелтевшие листки. В гостиной к нему подошла Муна.

– Чего она от тебя хотела?

– Ну, – непринужденно ответил Ари, – Анахита не верит, что ее сын умер, и хочет, чтобы я отправился в Англию для расследования. – И для пущего эффекта закатил глаза.

– Что, опять?! – Муна тоже закатила глаза. – Послушай, ее сын умер в три года. Я могу показать тебе свидетельство о смерти. Пожалуйста, не обращай внимания, не трать свое драгоценное время на старческие причуды. Поверь мне на слово, я уже сто раз об этом слышала. – Она ласково похлопала внука по плечу. – Пойдем выпьем по бокалу шампанского с родными.

Ари успел на последний самолет в Мумбаи из аэропорта Багдогра. В полете он пытался сосредоточиться на деловых бумагах, однако не мог отогнать мысли об Анахите. Конечно же, бабушка Муна права – ее мать заблуждается. И все-таки прабабка говорила такие вещи, которых просто не могла знать. Возможно, в ее истории действительно что-то есть... Надо будет просмотреть записи, когда найдется свободное время.

Несмотря на поздний час, Ари встречала в аэропорту нынешняя подружка – Бамби. Остаток ночи он провел в своей квартире с видом на Аравийское море, предаваясь радостям любви.

На следующее утро, опаздывая на деловую встречу, Ари забросил в портфель нужные документы и вытащил рукопись Анахиты. «Обязательно прочту, когда будет время», –

подумал он, засовывая манускрипт в нижний ящик письменного стола и торопливо выбегая из квартиры.

Год спустя

...Я вспоминаю. Тихим вечером дует легкий ветерок, дарящий благословенное облегчение от невыносимого, иссушающего зноя Джайпура. В такие вечера мы – обитатели женской половины Лунного дворца – забираемся на крышу и там устраиваем себе постель.

Лежа в темноте под звездным небом, я слышу чистое, сладкоголосое пение. Кто-то из моих близких уходит с Земли и возносится на Небо.

Я вздрагиваю и просыпаюсь. Не на крыше дворца в Джайпуре, а у себя в спальне в Дарджилинге. Стараюсь убедить себя, что мне это приснилось, но пение продолжает звучать в ушах, и в конце концов я понимаю, что не сплю.

Постепенно возвращаюсь к реальности и осознаю: в эту минуту умирает человек, которого я люблю. Закрыв глаза, перебираю в памяти всю свою семью. Сейчас я узнаю кто.

Ничего не получается. Странно, боги еще никогда не ошибались. Кто же?

Вновь закрываю глаза и слушаю, делая глубокие вдохи. И внезапно понимаю: сын. Сегодня ушел из жизни мой любимый сыночек.

Мои глаза наполняют слезы, и я обращаю взгляд к небесам. Стоит глубокая ночь, за окнами непроглядная темень.

Раздается тихий стук в дверь, на пороге появляется встревоженная Кева.

– Мадам, вы плакали? У вас что-то болит? – спрашивает она, подходя ко мне и нащупывая пульс.

Я отрицательно качаю головой, а она берет платок и осторожно утирает мои слезы.

– Нет, ничего не болит.

– А что случилось? Приснился плохой сон?

– Нет. – Она, конечно, не поймет, но я говорю правду. – Только что умер мой ребенок.

Кева смотрит на меня с ужасом:

– Как вы могли узнать, что мадам Муна умерла?

– Не дочь, а сын, Кева. Тот, которого я оставила в Англии много лет назад. Ему был семьдесят один год, – бормочу я. – Боги даровали ему долгую жизнь.

Кева не может понять, в чем дело, и прикладывает руку к моему лбу.

– Мадам, ваш сын умер давным-давно. Очевидно, вам что-то приснилось. – Она убеждает не столько меня, сколько себя.

– Возможно, – мягко говорю я, чтобы она не волновалась, – и все-таки надо записать время и дату. Видишь ли, мое ожидание окончено, и я хочу запомнить этот момент.

Кева пишет на листке бумаги время и число и протягивает его мне.

– Теперь можешь идти, со мной все хорошо.

– Да, мадам, – неуверенно отзывается она. – Вы точно не заболели?

– Все в порядке, доброй ночи, Кева.

Когда она выходит из комнаты, я беру со столика ручку и пишу короткое письмо, затем вытаскиваю из ящика потрепанное свидетельство о смерти сына. Завтра попрошу Кеву положить их в конверт и отправить адвокату, который уполномочен вести мои дела. Он позвонит, и я скажу, кому отправить конверт, когда я умру.

Закрыв глаза, я призываю сон, потому что внезапно мне становится отчаянно одиноко. Я ждала этой минуты. Мой сын ушел, настал и мой черед...

Три дня спустя Кева постучалась к Анахите в обычное время. Сначала она не удивилась, не услышав ответа: в последние дни мадам Чаван частенько позволяла себе поспать подольше. Кева занялась домашними делами, а через полчаса вновь подошла к двери спальни. Не получив ответа и на этот раз, она встревожилась, тихонько отворила дверь и увидела, что старушка все еще крепко спит. Служанка раздвинула шторы, по привычке рассказывая хозяйке об утренних происшествиях, и вдруг заметила, что та не отвечает.

Телефонный звонок застал Ари за рулем на оживленной улице Мумбаи. Увидев, что это отец, которого он не слышал целую вечность, Ари включил громкую связь.

– Папа! – радостно сказал он. – Как ты?

– Здравствуй. Я-то хорошо, только...

Ари понял, что отец чем-то расстроен:

– Что случилось?

– Твоя прабабушка Анахита скончалась сегодня утром.

– О, папа, мне очень жаль.

– Да, она была прекрасная женщина, и нам всем будет ее не хватать.

– По крайней мере, она прожила долгую жизнь, – утешительным тоном сказал Ари, объезжая резко остановившееся перед самым его носом такси.

– Это правда. Похороны состоятся через четыре дня, чтобы вся семья могла собраться. Приедут твои брат и сестра, и все остальные. Надеюсь, и ты.

– В эту пятницу? – с упавшим сердцем поинтересовался Ари.

– Да, в полдень. Ее кремируют на гхате в Дарджилинге в присутствии семьи. Затем состоится поминальная церемония – с Анахитой многие захотят попрощаться.

– Папа, – простонал Ари, – в пятницу я никак не могу... У меня встреча с перспективным клиентом, который специально прилетает из Штатов, чтобы заключить крупный контракт. Я возлагаю на эту сделку огромные надежды. При всем желании попасть в Дарджилинг в пятницу...

На другой стороне провода повисло тяжелое молчание.

– Ари, – отозвался наконец Вивек, – даже я понимаю, что

в некоторых случаях необходимо пожертвовать делами ради семьи. Мама никогда не простит тебя, тем более что Анахита относилась к тебе по-особенному.

– Извини, папа, – твердо сказал Ари, – я ничего не могу сделать.

– Это твое последнее слово?

– Да.

Отец бросил трубку.

В пятницу вечером Ари вернулся из офиса в восхищенном настроении. Встреча с американцами прошла просто блестяще, сделку заключили прямо на месте. Он решил повести Бамби в ресторан, чтобы отпраздновать это событие, и заглянул домой – принять душ и переодеться. Достав из почтового ящика в холле конверт, поднялся на шестнадцатый этаж. По пути в спальню разорвал конверт и прочел письмо.

Адвокатская контора «Хан и Чохан»

Площадь Чораста

Дарджилинг

Западная Бенгалия

Индия

2 марта 2001 г.

Уважаемый сэр!

Согласно указаниям моей клиентки Анахиты Чаван, передаю вам этот конверт. Как вам должно быть

известно, мадам Чаван скончалась несколько дней назад.

С глубочайшими соболезнованиями,
Девак Хан, партнер

Ари плюхнулся на кровать, сообразив наконец, что из-за волнения по поводу встречи и подготовки к ней похороны прабабушки совсем вылетели у него из головы. Он тяжело вздохнул, открывая вложенный в письмо конверт. Судя по всему, родители смертельно обиделись: он не только не приехал, но даже не позвонил.

Ари раздраженно хмыкнул и вытащил из конверта лист бумаги.

Мой дорогой Ари!

Если ты читаешь это письмо, меня уже нет на свете. Прилагаю подробности смерти моего сына Мо – точную дату и время, а также свидетельство о смерти. Как видишь, числа не совпадают. Возможно, мой дорогой мальчик, сейчас эта информация тебе ничего не скажет, однако в будущем, если ты захочешь выяснить, что с ним произошло, она будет полезна. Мы обязательно встретимся когда-нибудь в лучшем мире, а пока посылаю тебе всю свою любовь. Всегда помни, что судьбой человека управляют неведомые нам высшие силы. Имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит, и я уверена, что провидение укажет тебе путь.

Любящая тебя прабабушка Анахита

Ари снова вздохнул. Не хотелось портить замечательный

вечер мыслями о прабабушкиных загадках и о том, как разозлились на него родители. Поставив ритмичную музыку, он долго стоял под душем, а затем надел пошитый на заказ костюм и свежую рубашку и направился к выходу. Когда выключал музыкальный центр, письмо Анахиты вновь попало ему на глаза. Он машинально засунул листок в конверт и положил в ящик стола, где лежала пожелтевшая рукопись. Выключил свет и вышел из квартиры.

Лондон

Июль 2011

1

Ребекка Брэдли прижалась лбом к иллюминатору. Самолет пошел на посадку. Лоскутное одеяло всех оттенков зелени переливалось в лучах утреннего солнца. Вскоре показался Лондон. По сравнению с нью-йоркскими небоскребами Биг-Бен и здание Парламента выглядели игрушечными домиками.

– Мисс Брэдли, мы выведем вас из самолета в первую очередь, – сообщила ей стюардесса.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась Ребекка и достала из сумки на плече темные очки, чтобы прикрыть усталые глаза. К счастью, вероятность появления папарацци невелика, поскольку ей так не терпелось покинуть Нью-Йорк, что в день вылета она поменяла билет на более ранний рейс. Ребекка радовалась, что никто не знает, где она, даже ее личный агент и Джек. Бедняга улетел в Лос-Анджелес, не получив ответа: она сказала, что ей нужно подумать.

Ребекка нащупала в сумке красную бархатную коробочку с великолепным, хотя и слишком вычурным, на ее вкус,

кольцом. Один из самых знаменитых и высокооплачиваемых актеров в мире, Джек привык делать все с размахом. Тем более что если она скажет «да», фотография этого кольца появится во всех солидных газетах и журналах. Джек Хейворд и Ребекка Брэдли считались самой крутой парой в Голливуде, и каждый их шаг подробно обмусоливался в средствах массовой информации.

Ребекка закрыла коробочку и вновь посмотрела в иллюминатор. После знакомства с Джеком – на съемках романтической комедии около года назад, она перестала принадлежать себе, оказалась заложницей кинолюбителей, которые стремились присвоить жизнь не только сыгранных ею героинь, но и ее собственную. А горькая правда заключалась в том, что их с Джеком неземная любовь была такой же выдумкой, как и сценарии фильмов. Даже Виктор, агент, подталкивал ее в объятия Джека, не уставая повторять, что это поможет ее всемирной славе.

– Публика без ума от голливудских пар, – говорил он. – Пусть ты перестанешь сниматься, они все равно будут пускать слюни при виде твоих детишек, играющих в парке.

Ребекка задумалась, сколько времени они с Джеком провели вместе за год. Он жил в Голливуде, она – в Нью-Йорке, оба вечно заняты, не виделись неделями. А как только появлялась возможность побыть вместе, на них шла настоящая охота.

Вот и вчера, когда они зашли перекусить в неприметный

итальянский ресторанчик, им не дали спокойно посидеть, докучая просьбами об автографах и фото. В конце концов Джек потащил ее в Центральный парк, чтобы спокойно сделать предложение. «Надеюсь, хоть там нас никто не заметил», – подумала она. В такси, по дороге домой в Сохо, ее одолела клаустрофобия, да еще Джек настойчиво требовал ответа, и она внезапно решила улететь в Англию раньше, чем планировала.

Это невыносимо, когда весь мир следит за каждым твоим шагом и чужие люди ведут себя так, будто ты – их собственность. Тебя рассматривают, как под микроскопом; стоит выйти за хлебом или выпить кофе, и сразу собирается толпа.

Месяц назад Ребекка сорвалась: возле самого дома ее окружили репортеры, она вбежала в квартиру, закрылась в ванной и расплакалась. Врач выписал валиум. Лекарство помогло, но Ребекка понимала, что это не выход. Она не хотела встать на скользкую дорожку зависимости. В отличие от Джека.

В первые дни их пылкого романа он утверждал, что употребляет кокаин от случая к случаю и может в любой момент бросить, наркотик просто помогает ему расслабиться. Однако, узнав его получше, Ребекка поняла, что это неправда. В ответ на упреки Джек обижался и закатывал скандалы. Ребекка ненавидела, когда он был под кайфом – сама она не признавала наркотики, а пила очень мало. Когда они толь-

ко начали встречаться, Ребекке казалось, что ее жизнь идеальна: головокружительная карьера и красивый талантливый мужчина рядом. Увы, разлука, наркотики и нестабильность эмоционального состояния Джека превратили розовые очки в серые. Кульминацией стал жуткий скандал, когда семь месяцев назад ее номинировали на «Золотой глобус», а Джека прокатили.

Предложение главной роли в фильме «Под покровом ночи» – о жизни английской аристократической семьи – подоспело как нельзя вовремя. Это был не просто гигантский шаг вперед по сравнению с несерьезными ролями, в которых Ребекка большей частью снималась, но и огромная честь – ее выбрал маститый британский режиссер Роберт Хоуп. Джек заявил, что Хоупу просто нужно голливудское имя, чтобы умаслить спонсоров, и стал уверять Ребекку, что вся роль будет заключаться в том, чтобы хорошо выглядеть в исторических костюмах, а ее талант никого не интересует.

– Ты слишком красива, чтобы тебя принимали всерьез, дорогая, – сказал он, плеснув себе в стакан щедрую порцию водки.

Шасси мягко коснулись земли, самолет прокатился по взлетно-посадочной полосе Хитроу и замер. Загорелся свет. Ребекка отстегнула ремень.

– Вы готовы, мисс Брэдли? – спросила стюардесса.

– Да, благодарю вас.

Ребекка провела щеткой по густым темным волосам и

скрутила их в узел на затылке. Джек уверял, что с такой прической она – вылитая Одри Хепбёрн. С легендарной актрисой постоянно сравнивали ее и журналы. Кое-кто начал поговаривать о новой экранизации «Завтрака у Тиффани».

«Я не должна слушать Джека, иначе окончательно потеряю уверенность в себе», – подумала она. Две последние картины бойфренда не оправдали ожиданий, его звезда горела уже не так ярко, и он жутко ревновал ее к успеху. Ребекка сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Что бы там ни говорил Джек, она докажет, что представляет собой нечто большее, чем смазливое личико, тем более что сценарий картины это позволяет.

«По крайней мере, пребывание в английской деревенской глуши успокоит расшатанные нервы и позволит не спеша все обдумать», – рассуждала Ребекка. Она любила Джека, несмотря на все его недостатки, и в то же время не собиралась принимать его предложение, если он не освободится от зависимости.

– Сейчас мы выведем вас из самолета, мисс Брэдли, – сказал появившийся возле ее кресла сотрудник службы безопасности в темном костюме.

Опустив на глаза очки, Ребекка вышла из первого класса. Все же ничего не получится, пока Джек не признает свои проблемы. Надо так ему и сказать.

– Мисс Брэдли, багаж уже в машине, – сообщил офицер, – но должен вас предупредить, что там собралась куча фото-

графов.

– Их много?

– Целая толпа. Не волнуйтесь, я вас проведу.

Ребекка встала.

– Я этого не ожидала, – пояснила она. – Я вылетела раньше, чем планировала.

– Вы прибыли в Лондон одновременно с сенсационной новостью. Вас можно поздравить?

– Какая еще новость?

– О вашей помолвке с Джеком Хейвордом, мисс Брэдли.

– Я... О господи, – пробормотала она.

– Фотографию, где он надевает вам на палец кольцо, можно увидеть на первых страницах всех утренних газет. Ладно, вы готовы? – Офицер остановился у двери.

Ребекка сердито кивнула. В глазах закипали слезы.

– Тогда пойдете.

Четверть часа спустя она сидела в машине, беспомощно уставившись на фото в «Дейли мейл» под заголовком: «Джек и Бекки – свершилось!»

На снимке Джек надевал ей на палец кольцо, а она смотрела на него с ужасом, который журналистка описала как «восторженное удивление». Больше всего Ребекку взбесил комментарий Джека, сделанный им, очевидно, сразу после ухода из ее квартиры. Он признался, что попросил ее руки, но дата свадьбы пока не назначена.

Ребекка трясущимися руками достала сотовый. Увидев

кучу сообщений от Джека, Виктора и представителей прессы, она выключила телефон и вернула его в сумку, не в силах отвечать на вопросы. И кто его за язык тянул? Уже завтра все будут обсуждать, не беременна ли она, кто шьет ей платье и где пройдет церемония.

Ребекка закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Ей шел тридцатый год, но до вчерашнего вечера замужество и дети казались делом отдаленного будущего. Джеку было под сорок, он переспал с подавляющим большинством своих экранных партнерш и решил, что пришло время остепениться. У Ребекки, которая много лет встречалась со своей школьной любовью, он был всего лишь вторым. Первой любви положили конец набирающая обороты карьера и надвигающаяся всемирная слава.

– Дорога до Девона займет больше четырех часов, мисс Брэдли, – дружелюбно сообщил ей водитель. – Кстати, меня зовут Грэм, и если захотите сделать остановку, дайте мне знать.

– Хорошо, – сказала Ребекка, всеми фибрами души желая очутиться в далекой африканской пустыне, где нет ни фотографов, ни газет, ни мобильных телефонов.

– Мы едем в настоящую глушь, – продолжал Грэм, словно прочтя ее мысли. – В Дартмуре почти нет ни ресторанов, ни магазинов. Чудесные места. Другая эпоха. Не думал, что в наше время такое бывает. Должен сказать вам, сельские дороги кажутся мне приятной переменой, обычно приходится

возить актеров на съемки в студиях по лондонским пробкам.

Его слова немного утешили Ребекку. Может, газеты забудут о ее существовании, если она уедет на край Земли.

Не тут-то было.

– Смотрите-ка, за нами увязался мотоциклист, – подал голос Грэм, взглянув в зеркало заднего вида. – Не бойтесь, мы оторвемся от него, как только выедем на трассу.

– Спасибо, – ответила Ребекка, стараясь успокоить свои расшатанные нервы. Она устроилась поудобнее, закрыла глаза и расслабилась.

– Почти приехали, мисс Брэдли.

На протяжении всей поездки Ребекка, сбитая с толку смежной часовых поясов, то и дело проваливалась в сон и сейчас недоуменно смотрела в окно, за которым простирались поросшие вереском холмы.

– Где мы?

– В Дартмуре. В солнечный день здесь довольно приятно, а вот зимой, судя по всему, мрачновато. Извините, мне надо ответить на звонок. Это администратор съемочной группы.

Пока водитель разговаривал, Ребекка открыла дверь, вышла на обочину, поросшую травой, и с наслаждением вдохнула свежий, сладковатый воздух. Дул легкий ветерок, на горизонте виднелись острые очертания скал. И ни души на много миль вокруг.

– Райский уголок, – выдохнула она, вернувшись в машину, – а какая тишина!

– Это да, – согласился Грэм, – вот только администратор сообщил, что возле отеля, где остановилась съемочная группа, уже собралась толпа репортеров, пронюхавших о вашем прибытии. Он предлагает отвезти вас прямо в Астбери-холл, где будут проходить съемки.

– Хорошо, – закусила губу Ребекка.

– Простите, мисс Брэдли, – сочувственно произнес шофер. – Знаете, я всегда говорю своим детям, что быть богатой и знаменитой кинозвездой не так весело, как им кажется. Тяжело вам, наверное, особенно в такие моменты.

От его сочувственного тона у Ребекки запершило в горле.

– Да, бывает непросто.

– Зато во время съемок вас точно никто не побеспокоит. Поместье находится в частных владениях, занимающих несколько сотен акров, а от въезда до самого особняка – не меньше полумили.

Автомобиль подъехал к огромным кованым воротам, за которыми стоял охранник. Грэм посигналил, и тот открыл ворота.

Ребекка удивленно рассматривала раскинувшийся по обе стороны дороги обширный парк с вековыми дубами, каштанами и березами. Впереди возвышался огромный дом, более походивший на дворец, из тех, что она до сих пор видела только в книгах или в исторических программах по телевизору – монументальное сооружение из резного камня.

– Ничего себе!

– Впечатляющее зрелище, не правда ли? Страшно представить, сколько они платят за отопление, – пошутил Грэм.

Когда они подъехали ближе и Ребекка увидела перед домом роскошный мраморный фонтан, она пожалела, что не знает правильных названий всех этих архитектурных деталей, чтобы описать открывшуюся взору красоту. Грациозная симметрия здания с двумя элегантными крыльями по обе стороны от центрального купола заставила ее затаить дыхание. По всему фасаду тянулись, словно ожерелье из драгоценных камней, сверкающие на солнце окна идеальных пропорций, а каменную кладку между ними украшали херувимы и вазы. Под массивным центральным портиком, который поддерживали четыре величественные колонны, красовалась двустворчатая дубовая дверь.

– Просто королевский дворец. – Грэм въехал в боковой двор, где стояли несколько фургонов и грузовиков. Там царил суматоха, какие-то люди тащили в дом аппаратуру, проекторы и провода. – Мне сказали, что съемки планируют начать уже завтра, – добавил водитель, остановив машину.

– Спасибо, – кивнула Ребекка, выбираясь из авто.

Грэм подошел к багажнику и достал ее чемодан.

– Это весь ваш багаж, мисс Брэдли? Кинозвезды вашего уровня обычно привозят с собой целый контейнер.

– Я торопилась, – с улыбкой ответила Ребекка.

Они пошли через двор к дому.

– Не забывайте, мисс Брэдли, я прикреплен к группе на

все время съемок; если вам понадобятся мои услуги, дайте знать. Буду рад вас видеть.

– О, вы приехали! – К ним спешил высокий худощавый парень. Он протянул Ребекке руку. – Добро пожаловать в Англию, мисс Брэдли. Я Стив Кэмпбелл, администратор. Извиняюсь за нашу бесцеремонную прессу, зато, по крайней мере, здесь вы в безопасности.

– Спасибо. А вы не знаете, когда можно будет поехать в отель? Я бы не отказалась принять душ и немного поспать, – отозвалась уставшая с дороги Ребекка.

– Понимаете, мы не хотели, чтобы вас опять атаковали папарацци, как в аэропорту. Поэтому лорд Астбери любезно согласился принять вас в своем доме, пока мы не сможем предложить вам другое жилье. Вы, наверное, заметили, что у него есть парочка свободных комнат, – с усмешкой добавил Стив, махнув рукой в сторону здания. – Роберт, наш режиссер, планирует начать съемки уже завтра и не хочет, чтобы вы или остальные актеры отвлекались на бытовые проблемы.

– Извините, что из-за меня столько хлопот, – покраснела Ребекка, охваченная чувством вины.

– Пустяки, мы сами виноваты, что пригласили в фильм такую знаменитость. Ладно, экономка велела найти ее, когда вы приедете, и она покажет вам комнату. Все собираются в гостиную сегодня в пять, у вас есть несколько часов на отдых.

– Благодарю, – ответила Ребекка, заметив по тону Стива, что тот уже записал ее в капризные звезды, и подумав, что

остальные британские актеры, которым далеко до ее славы и гонораров, с ним согласятся.

– Подождите здесь, я найду миссис Треватан.

Стив ушел, а Ребекка осталась стоять во дворе, испытывая неловкость – съемочная команда носила мимо нее свое оборудование.

Через минуту из дома выбежала упитанная женщина средних лет с седеющими кудрявыми волосами и розовым лицом.

– Мисс Ребекка Брэдли?

– Да.

– Ну конечно, это вы! – радостно улыбнулась женщина. – Я сразу вас узнала. Знаете, в жизни вы еще красивее, чем на экране. Я видела все фильмы с вашим участием и рада познакомиться. Миссис Треватан, экономка. Пойдемте, покажу вам спальню. К сожалению, путь не близкий. Ваши вещи принесет Грэм, – добавила она, заметив, что Ребекка потянулась к чемодану. – Вы не представляете, сколько миль я наматываю за день.

– Боюсь, что нет, – согласилась Ребекка, с трудом разбиравшая сильный девонширский акцент экономки. – Какой восхитительный дом!

– Ну, сейчас, когда я ухаживаю за ним одна, изредка нанимая временных помощников, он уже не тот, что прежде. Я просто сбиваюсь с ног. Много лет назад здесь ежедневно трудилось не меньше тридцати человек.

– Да, могу представить, – ответила Ребекка, проследовав за миссис Треватан в огромную кухню. За столом сидела женщина в сестринской форме с чашкой кофе.

– Удобнее всего пройти в спальни из кухни по лестнице для obsługi, – пояснила миссис Треватан, ведя Ребекку по узким крутым ступеням. – Я выделила вам чудесную комнату в задней части дома. Оттуда открывается прекрасный вид на сад и вересковую пустошь. Вам повезло, что лорд Астбери согласился вас принять: он не любит гостей. Когда-то в этом доме могли с комфортом переночевать сорок человек, но те времена давно ушли в прошлое.

Пройдя в еще одну дверь, они попали в просторный мезонин. Ребекка восхищенно оглядела высокий купол над головой и заторопилась за миссис Треватан в широкий темный коридор.

– Вот и ваша спальня, – сказала экономка, открывая дверь в просторную комнату с большой двуспальной кроватью. – Здесь немного прохладно: я открывала окна, чтобы проветрить комнату, но это лучше, чем запах сырости. Если замерзнете, включите электрический камин.

– Спасибо. А где можно привести себя в порядок? – спросила Ребекка.

– Вы имеете в виду ванную? – улыбнулась миссис Треватан. – Третья дверь налево, на другой стороне коридора. К сожалению, в спальнях нет отдельных удобств. Отдыхайте.

– А можно стакан воды?

– Ох, конечно. Вы ведь с дороги... Вы что-нибудь ели? – миссис Треватан остановилась на полпути к двери.

– Нет, я не ем в самолетах.

– Тогда как насчет чая с тостом? У вас очень усталый вид.

– Было бы чудесно. – Почувствовав легкое головокружение, Ребекка опустилась в кресло у камина.

– Я сейчас принесу. – Миссис Треватан бросила на нее задумчивый взгляд. – Вы такая хрупкая под всей этой мишурой... Устраивайтесь, я скоро.

Придя в себя, Ребекка вышла в коридор и отыскала ванную, предварительно по ошибке заглянув в кладовую для белья и в другую спальню. Посреди огромного помещения стояла внушительная чугунная ванна, а с бачка над унитазом свисала поржавевшая металлическая цепь. Выпив воды из-под крана, Ребекка вернулась в комнату. Прошла к высоким окнам и посмотрела на открывающийся внизу вид. Вдоль задней части дома тянулась просторная терраса, за которой виднелся ухоженный сад с множеством цветущих растений, пестрота которых красиво оттеняла зелень центрального газона. Сад окаймляла высокая живая изгородь из тиса, а дальше раскинулась вересковая пустошь. Сбросив туфли, Ребекка прилегла на кровать.

Постучавшая в дверь спустя десять минут миссис Треватан нашла ее крепко спящей. Поставив поднос на столик у камина, она прикрыла гостью покрывалом и тихо удалилась.

2

– Леди и джентльмены, рад приветствовать вас в Астбери-холле! Уверен, вы согласитесь, что это идеальное место для съемок фильма «Под покровом ночи». Для меня большая честь – снимать картину в одном из самых красивых старинных поместий Англии, и я надеюсь, что проведенное здесь время будет для всех нас продуктивным и приятным.

Роберт Хоуп доброжелательно улыбнулся собравшимся актерам.

– Хочется верить, что эти старинные стены встрепенутся от разнообразия ваших талантов. Многие из вас знакомы между собой, но я хотел бы особо поприветствовать Ребекку Брэдли, которая прилетела из Америки, чтобы привнести в нашу застоявшуюся британскую жизнь толику голливудского блеска.

Все глаза в комнате обратились на Ребекку, которая пряталась в углу, ошеломленная видом такого количества английских знаменитостей.

– Привет, – покраснев, улыбнулась она.

– Передаю эстафету Хьюго Мэннерсу, чей замечательный сценарий позволит вам проявить себя наилучшим образом, – продолжал Роберт. – Чуть позже мы предоставим всем окончательный вариант сценария. Администратор Стив также раздаст каждому его расписание. Мне остается только поже-

лать вам успешных съемок. Теперь слово Хьюго.

Раздались аплодисменты, и вперед выступил оscarоносный сценарист Хьюго Мэннерс. Ребекка слушала его вполуха, только сейчас начиная осознавать, во что ввязалась. Больше всего ее беспокоило произношение. В Нью-Йорке она брала уроки дикции и произношения и последние пару месяцев старалась говорить в обыденной жизни как англичанка. И все равно понимала, что, приняв эту роль, идет на огромный риск. Британская пресса обожала критиковать американских актрис, играющих англичанок. Для журналистов не имело никакого значения, что она получала стипендию в Джульярдской школе и стала лучшей актрисой года, сыграв Беатриче в «Много шума из ничего». Все голливудские актрисы считали себя «серьезными», даже если пришли в профессию с модельного подиума. Ребекка к ним не относилась. Эта роль давала возможность подтвердить классическое актерское образование и получить признание критиков.

Когда Хьюго закончил, все вновь захлопали, и Стив начал раздавать экземпляры сценария и расписания.

– Завтра вы не задействованы в съемках, Ребекка. Утром у вас встреча с художником по костюмам для примерки нарядов, а после этого вас хотят видеть стилист и визажист. Роберт также предлагает вам позаниматься с консультантом по сценической речи – пройтись по роли перед первым днем съемок.

– Отлично. А когда я смогу попасть в отель? Хотелось бы

разобрать вещи и устроиться.

– Скорее всего, там до сих пор отираются фотографии, так что Роберт договорился с лордом Астбери, чтобы вы некоторое время побыли здесь. Можно сказать, вам повезло – мне досталась каморка над местным пабом, – с улыбкой добавил Стив. – К тому же вы сможете погрузиться в атмосферу.

К Ребекке подошел поразительно красивый мужчина с тонкими чертами лица.

– Мисс Брэдли, если не ошибаюсь? Я – Джеймс Вог, играю Лоренса. У нас с вами будет, если можно так выразиться, несколько достаточно интимных сцен, – подмигнув, сказал он, и Ребекка мгновенно попала под очарование выразительных голубых глаз, которые, несомненно, помогли Джеймсу выйти на передний край британских киноактеров.

– Рада знакомству, Джеймс. – Ребекка пожала протянутую руку.

– Бедняжка, – сочувственно сказал он, – вы, должно быть, в шоке: не успели прилететь из Штатов – и произвели такой фурор своей помолвкой с Джеком Хейвордом.

Ребекка не знала, что сказать.

– Я... вообще-то, да...

– Кстати, примите мои поздравления. Он счастливчик. – Джеймс все не выпускал ее руку.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила она.

– Если вдруг возникнет желание пройтись по нашим сценкам до съемок, дайте мне знать. Я сам в шоке. Страшно по-

думать, что придется работать на одной площадке со всеми светилами кино и театра.

– Да, – согласилась Ребекка, внезапно проникшись к Джеймсу симпатией.

– Уверен, вы будете неотразимы, а если соскучитесь в этой глуши, только свистните.

– Хорошо. И спасибо.

Вог многозначительно посмотрел ей в глаза, отпустил наконец ее руку и удалился.

Стесняясь общаться с незнакомыми актерами, Ребекка вновь села и стала изучать расписание, удивляясь непринужденности, с какой англичанин ухитрился чуть ли не в одном предложении поздравить ее с помолвкой и дать понять, что не прочь познакомиться поближе.

– Ребекка, через несколько минут все возвращаются в отель на ужин, – обратился к ней выросший словно из-под земли Стив. – Все необходимое сюда привезут завтра утром, а тем временем я попросил вашу новую лучшую подругу миссис Треватан подать ужин. Вы растрогали ее до глубины души; она говорит, что вас нужно подкормить.

– Очень мило с ее стороны, но я лучше почитаю новый сценарий, – ответила Ребекка.

– Что-то не так? – Стив озабоченно посмотрел ей в глаза.

– Все в порядке, просто смена часовых поясов, и, если честно, я переволновалась от встречи с таким количеством знаменитостей. Боюсь не справиться.

– Понимаю. Если вас это утешит, могу сказать, что работаю с Робертом много лет, и он ни разу не промахнулся с выбором актеров. Он очень высокого мнения о ваших способностях.

– Спасибо, Стив, – искренне поблагодарила она.

– Тогда до завтра. Приятного вечера и доброй ночи во дворце. Здесь до вас точно никто не доберется.

Администратор отошел и начал торопить актеров. Когда все разошлись, Ребекка наконец смогла осмотреться. В огромные окна светило июльское солнце, придавая строгой мебели красного дерева теплый оттенок. В центре комнаты возвышался огромный мраморный камин, вокруг которого стояли диванчики и легкие кресла. Ребекка вздрогнула, почувствовав вечернюю прохладу.

– Вот вы где, красавица! – В комнату вошла миссис Треватан. – Стив сказал, что вас надо накормить. У меня есть кусок пирога с мясом и почками и немного картошки, оставшиеся от ланча его светлости.

– Я не слишком голодна, меня вполне устроит салат.

– Понятно, вы на диете. – Экономка критически оглядела хрупкую фигурку гостыи. – Да будет мне позволено сказать, мисс Ребекка, что вас скоро ветром унесет.

– Мне нужно следить за фигурой, – смущенно ответила Ребекка.

– По-моему, вам не повредило бы немного нормальной человеческой еды. Принести ужин в комнату?

– Было бы очень любезно с вашей стороны, спасибо.

Ребекка действительно ограничивала себя в еде: что поделаешь, если от этого зависит твоя карьера?

Выйдя из гостиной, она прошла в величественный холл, откуда вела лестница наверх, остановилась и подняла голову к великолепному куполу. Стеклопанные витражи посылали блики света на мраморный пол под ногами.

– Добрый вечер, – произнес глубокий мужской голос за спиной.

Ребекка подпрыгнула от неожиданности и обернулась. В дверях стоял мужчина лет пятидесяти пяти, одетый в допотопный твидовый пиджак и поношенные брюки из рубчатого плиса, заправленные в высокие сапоги. Спутанные волосы, тронутые сединой, явно нуждались в стрижке.

– Здравствуйте, – неуверенно ответила она.

– Я – Энтони, а вы?..

– Ребекка, Ребекка Брэдли.

– А-а, – в глазах мужчины блеснул огонек узнавания, – кинозвезда из Америки. Говорят, вы невероятно знамениты, но боюсь, что никогда о вас не слышал. Я не из любителей кино. Извините.

– Можете не извиняться, вы не обязаны обо мне слышать.

– Это правда. Ладно, мне пора. Нужно поработать, пока не стемнело. – Сдержанно кивнув, он скрылся за дверью.

Ребекка прошла через вестибюль и поднялась по лестнице, рассматривая написанные маслом картины, на кото-

рых были изображены различные поколения семьи Астбери. Следом за ней в комнату вошла миссис Треватан с подносом.

– Вот и я, милочка. Нашлось немного супа, свежий хлеб и масло. И я захватила для вас кусочек бейкуэлльского пирога с франжипаном и ванильным кремом, – произнесла она, торжественно снимая крышку с десерта.

– Спасибо.

– Желаете что-нибудь еще?

– Нет, спасибо. Потрясающе красивый дом!

– Что правда, то правда. Если бы вы знали, на какие жертвы приходится идти, чтобы сохранить его! – тяжело вздохнула миссис Треватан.

– Представляю. Кстати, внизу я встретила садовника, – добавила Ребекка.

– Садовника? – Миссис Треватан удивленно подняла бровь. – В доме?

– Да.

– Хм... к нам приходит раз в неделю паренек, чтобы покосить газоны. Возможно, искал его светлость... Хорошо, я удаляюсь, чтобы вы могли спокойно поужинать. Во сколько подать вам завтрак?

– Я вообще-то не завтракаю... разве что фруктовый сок и йогурт.

– Ладно, подумаем. – Миссис Треватан неодобрительно фыркнула и направилась к выходу, но у самой двери обернулась и с улыбкой сказала: – Доброй ночи, голубушка, при-

ЯТНЫХ СНОВ.

– Доброй ночи.

Съев ароматный суп из картофеля и лука-порей вместе со свежим хрустящим хлебом, щедро намазанным маслом, Ребекка поняла, что все еще голодна. Попробовав странный пирог, оказавшийся необычайно вкусным, она прикончила и его, и лишь после этого прилегла на кровать, говоря себе, что не должна набрасываться на сытную английскую еду, какой бы вкусной та ни была.

Полежав немного, она встала и нашла в сумке телефон. Включила, чтобы прослушать сообщения, однако, взглянув на экран, поняла, что нет сигнала. Проверила планшет и убедилась, что сеть недоступна.

Ее губы непроизвольно растянулись в улыбке. Лишь сегодня утром она мечтала попасть туда, где никто не сможет ее найти, и, похоже, Бог услышал ее молитвы. Ребекка вновь устроилась на кровати и устремила взгляд в окно. Солнце медленно катилось к горизонту, стояла оглушительная тишина.

Ребекка взяла с прикроватного столика сценарий и углубилась в чтение. Она играла юную красавицу по имени Элизабет Сэйерс, дочь богатого помещика. Действие происходило в тысяча девятьсот двадцать втором году, в период расцвета джазовой музыки. Отец намерен выдать Элизабет за владельца соседней усадьбы, а девушка идет против его воли. Фильм рассказывал о жизни британской аристократии

в стремительно меняющемся мире, когда женщины начали борьбу за эмансипацию, а рабочий класс больше не хотел мириться со своим подчиненным положением. Элизабет влюбляется в мятежного поэта Лоренса, с которым познакомилась на богемной тусовке в Лондоне. Старая как мир история о девушке, вставшей перед выбором: послушаться родителей или последовать зову сердца, не отличалась оригинальностью. Однако благодаря остроумному и трогательно-му сценарию Хьюго Мэннерса, роль превратилась в настоящую жемчужину.

Как обычно, эпизоды фильма снимались вразброс, и Ребекке предстояло сниматься в своей первой сцене с Джеймсом Вогом, игравшим опального поэта, послезавтра. Эпизод в саду включал страстный поцелуй. Она вздохнула. Хотя ей уже не раз приходилось играть любовь на камеру, Ребекка всегда страшно боялась любовных сцен с малознакомыми партнерами.

Краем глаза она заметила в саду легкое движение и увидела на скамье садовника, который даже издалека показался ей одиноким и печальным. Мужчина сидел неподвижно, как изваяние, глядя прямо перед собой в сгущающуюся темноту.

Приняв ванну, Ребекка забралась в постель с белоснежными накрахмаленными простынями. Просматривая свою роль и продолжая практиковаться в британском акценте двадцатых годов, она подумала, что этим вечером словно перенеслась в прошлое, когда происходит действие фильма. В доме

так мало изменилось с тех времен, что Ребекке стало не по себе.

В начале одиннадцатого, уверенная, что не сможет уснуть из-за смены часовых поясов, Ребекка выключила ночник. К своему удивлению, она крепко проспала всю ночь и проснулась только после появления на пороге миссис Треватан с завтраком на подносе.

В десять утра она спустилась на первый этаж и пошла на поиски костюмерной. Художник по костюмам Джин, взглянув на нее, заявила:

– Дорогая, вы просто созданы для этой роли! У вас даже лицо из тех времен. И... у меня для вас сюрприз.

– Правда?

– Я вчера разговорилась с экономкой. По ее словам, в одной из спален наверху хранится коллекция платьев двадцатых годов. Очевидно, они принадлежали давно умершей родственнице нынешнего лорда Астбери. Я спросила, нельзя ли на них взглянуть, просто из любопытства, а заодно и посмотреть, – она подмигнула Ребекке, – не найдется ли там чего-нибудь для вас. Было бы здорово использовать их в фильме!

– Наверное.

– И вы только взгляните! – с торжествующей улыбкой Джин сняла с вешалки шелковое покрывало.

– Вау! – ахнула Ребекка. – Они великолепны!

– И прекрасно сохранились. Не скажешь, что им девяно-

сто лет. Многие платья – из коллекций знаменитых дизайнеров тех времен: Ланвен, Вионе, Пату. Просто чудо, – восхищалась Джин, вместе с Ребеккой перебирая вешалки и любуясь восхитительными нарядами. – На аукционе они стоили бы целое состояние. Не могу дождаться, когда вы их наденете. По-моему, они точно вам подойдут.

– Вы думаете, мне разрешат их надеть?

– Не знаю, экономка обещала спросить у лорда Астбери. Но сначала давайте примерим. Как вам вот это для первой сцены с Джеймсом Вогом?

Десять минут спустя Ребекка стояла перед зеркалом. Она не надевала исторических костюмов со времен Джульярдской школы: в Голливуде ей обычно доставались роли современниц, которые носили джинсы и футболки. Асимметричный подол шелкового платья Ланвен, отделанного тонким шифоном и вручную расшитого бисером, красиво колыхался при каждом движении.

– Даже если мне придется встать на колени и умолять со слезами на глазах, я все равно выпрошу у лорда Астбери эти платья! – твердо заявила Джин. – Давайте примерим следующее.

После того как Ребекка продефилировала во всех нарядах, которые ей идеально подошли, Джин с улыбкой сказала, что полностью удовлетворена, и отпустила ее к стилистам, пообещав при первой возможности поговорить с экономкой.

– Вы будете сногшибательны! – добавила она. – Стилист

и визажист превратят вас в настоящую красавицу двадцатых годов. Их владения дальше по коридору.

– В этом доме нужен навигатор, – с улыбкой пожаловалась Ребекка. – Я здесь постоянно теряюсь.

– Как вы отнесетесь к стрижке и окрашиванию волос? – спросила у Ребекки парикмахер-стилист, взвесив в руке густую темную прядь.

По условиям контракта, Ребекка соглашалась на стрижку в стиле двадцатых и осветление волос для придания сходства с актрисой, играющей ее мать, поэтому она лишь пожалала плечами.

– Я не против, со временем отрастут.

– Конечно. А после съемок мы восстановим ваш родной цвет. Приятно, что вы не делаете из этого проблемы, как многие другие актрисы, – одобрительно отозвалась стилист. – А может быть, вам понравится новый стиль. Прическа боб идеально подойдет к вашим тонким чертам.

– И возможно, меня перестанут узнавать на улице, – задумчиво сказала Ребекка.

– Боюсь, в вашем случае это не поможет, – вмешалась визажистка, присев напротив. – У вас слишком приметное лицо. А Джек Хейворд, какой он в жизни? На экране он просто божественно красив! Как он выглядит утром, когда только встанет с постели?

– Он и по утрам ничего, – подумав, ответила Ребекка.

– Наверняка, – ухмыльнулась визажистка. – Как же вам повезло, что вы за него выходите.

– Да, просто не верю своему счастью, – сыронизировала Ребекка. – Ладно, девушки, встречаемся завтра утром, а сейчас мне пора. – Она улыбнулась, чтобы смягчить резкость тона, помахала рукой и вышла из комнаты.

До встречи с консультантом по речи оставалось два часа, а кто-то из группы сказал, что можно поймать сигнал, если пройти в сторону пустоши, и Ребекка решила сбегать за телефоном, а затем прогуляться.

В гостиной уже началась съемка. Завтра перед камерами окажется и она.

Спустившись по каменным ступеням в сад, Ребекка быстрым шагом прошла по дорожке и села на скамью, где вчера заметила садовника.

– Черт! – выругалась она, обнаружив, что сотовый по-прежнему не ловит сигнал.

– Что-то случилось?

Вздвогнув от неожиданности, Ребекка посмотрела в направлении розовых клумб и увидела вчерашнего садовника с секатором в руке.

– Нет, просто сотовый не ловит.

– Да, со связью у нас здесь совсем плохо.

– Может, и хорошо. Даже приятно побыть отрезанной от мира. А вам нравится здесь работать?

Он удивленно посмотрел на нее, затем кивнул:

– Довольно неожиданный вопрос... Пожалуй, да. В любом случае я не могу представить себя в другом месте.

– Здесь просто рай для садовника. Какие волшебные розы! Потрясающие цвета, особенно та, которую вы сейчас подрезаете. Такой глубокий, бархатистый пурпурный цвет, почти черный.

– Это таинственное растение называется Полуночная роза, она растет здесь, сколько я себя помню, и должна была погибнуть много лет назад, однако цветет каждый год, словно только что посаженная.

– У меня в квартире всего пара горшков с комнатными цветами, – посетовала Ребекка.

– Вы любите садоводство?

– В детстве у меня была своя грядка в саду. Мне нравилось копать в земле.

– Работа в саду замечательно успокаивает, – кивнул садовник. – Как вам у нас нравится после Штатов?

– Здесь невероятно тихо и безмятежно. Я впервые за много лет так хорошо спала. Увы, сегодня меня отвезут в отель: говорят, лорд Астбери не любит гостей. Если честно, я бы хотела остаться, – призналась Ребекка. – Здесь я чувствую себя в безопасности.

– Ну, как знать, лорд Астбери может и передумать. Кстати, – он указал на телефон, – спросите у миссис Треватан, не разрешит ли она вам позвонить по обычному телефону у него в кабинете.

– Спасибо, я спрошу. – Ребекка встала. – До встречи.

– Погодите... – Садовник срезал красивую пурпурную розу на длинном стебле. – Поставьте у себя в комнате.

– Спасибо, – растроганно поблагодарила Ребекка, – я сразу же поставлю ее в воду.

Найдя на кухне миссис Треватан, она попросила вазу и сказала, что садовник посоветовал ей позвонить из кабинета хозяина. Миссис Треватан отвела ее в маленькую, темную комнатку, все стены которой занимали книжные полки, а на столе высились неровные стопки бумаг.

– Пожалуйста, только не говорите слишком долго, если звоните в Америку. Его светлость и так в ужасе от телефонных счетов.

Ребекке подумалось, что слова «его светлость» наводят на мысли о чудовище, которым пугают детей.

Присев на стул, она нашла в сотовом нужный номер, сняла трубку древнего телефона с цифрами на круглом диске и, с трудом поняв, как набирать, позвонила Джеку. Когда звонок переключился на голосовую почту, Ребекка одновременно обрадовалась и почувствовала себя виноватой.

– Привет, это я, здесь ни сотового покрытия, ни интернета. Ближе к вечеру меня переселят в отель, и я позвоню. Со мной все в порядке. Я... – Она запнулась, думая, что ему сказать. Слова не хотели складываться в логическом порядке. – Позвоню позже, пока.

Затем она набрала номер своего агента и оставила при-

мерно такое же сообщение.

Выйдя из кабинета, Ребекка отправилась на поиски Стива, чтобы припереть его к стенке и выяснить наконец, где ей жить на протяжении съемок.

– Я как раз собирался найти вас и сообщить новость, – ответил Стив, – которая, надеюсь, покажется вам хорошей. Пять минут назад ко мне подошел лорд Астбери и сказал, что вы, если пожелаете, можете остаться в его доме на все время съемок. Честно говоря, я удивлен, учитывая, что до этого он был категорически против гостей. Мы нашли вам приличную гостиницу в близлежащем городке, но, по совести, она не соответствует вашим стандартам. К тому же нет никаких гарантий, что папарацци не найдут вас и там. В общем, решайте сами.

– А можно мне подумать? – Хотя Ребекку устраивали безопасность и комфорт нынешнего жилища, ей не очень-то хотелось находиться в гостях у таинственного лорда Астбери.

– Да, – ответил Стив. В этот момент затрещала рация. – Извините, требуют на съемочную площадку.

У себя в комнате Ребекка прошла по сценарию перед встречей с консультантом, встала и посмотрела в окно. Здесь она действительно чувствовала себя в безопасности. Чтобы сосредоточиться на роли, которая могла стать поворотной в карьере, ей требовались тишина и покой.

После занятия она нашла Стива на террасе и сказала, что с радостью останется в Астбери-холле.

– При нынешних обстоятельствах это разумно, – улыбнулся он. – К тому же миссис Треватан сказала, что с радостью будет для вас готовить. Похоже, она взяла вас под свое крылышко.

– О, я ем по вечерам совсем мало, так что...

– Доброго вечера, – произнес кто-то у нее за спиной.

К ним подошел садовник.

– Добрый вечер, лорд Астбери, – сказал Стив, – Ребекка решила остаться у вас. Чрезвычайно любезно с вашей стороны сделать для нее исключение.

– Можете называть меня Энтони, – кивнул мужчина.

Ребекка непонимающе переводила взгляд с одного на другого.

– Может быть, по вечерам, когда все разъедутся, вы будете помогать мне в саду, – иронично блеснув глазами, добавил Энтони.

– Я... вы – лорд Астбери? – ошеломленно пробормотала она.

– Да, хотя, как я только что сказал Стиву, все называют меня Энтони.

Ребекка почувствовала, что ее щеки заливают краска стыда.

– О боже, мне так неудобно, я не сообразила, кто вы...

– Ну, очевидно, я не соответствую вашим представлениям, – спокойно ответил Энтони. – Как ни печально, в наши дни обнищавшие аристократы вынуждены сами выполнять

грязную работу. Нам больше не положены черные галстуки и фраки. А теперь, если вы меня извините, я должен вернуться к своему занятию.

Он удалился в сад.

– Ну, вы даете, Ребекка! – расхохотался Стив. – Просто классика жанра! Не знаю, как у вас в Америке, но английские аристократы – самая затрапезная часть общества. Они считают делом чести одеваться в жалкие обноски и ездить в разваливающихся колымагах. Ни один уважающий себя пэр в наши дни не станет наряжаться дома.

– Понятно, – смущенно пробормотала Ребекка. – Надо же было так опростоволоситься!

– Так или иначе, ваша неосведомленность не принесла никакого вреда, – продолжал Стив, – и даже помогла вам получить приглашение пожить в этом чудесном доме.

Тем временем к ним прогулочной походкой подошел Джеймс Вог.

– Ребекка, что вы делаете сегодня вечером? Может быть, вы не откажетесь перекусить со мной? Заодно познакомимся поближе. Завтра утром у нас первая сцена, и она... довольно личная, – развязно улыбнулся он.

– Вообще-то, я собиралась пораньше лечь спать, – ответила Ребекка.

– Грэм отвезет вас обратно, так что одно другому не мешает.

– Думаю, не стоит... журналисты...

– Сегодня утром их уже не было, – сообщил Джеймс.

– Ну, хорошо, – нехотя сдалась Ребекка, не желая показаться высокомерной.

– Тогда в восемь часов у меня в отеле. Не волнуйтесь, я попрошу отдельный столик, где вас никто не побеспокоит.

Когда Джеймс ушел, Стив покачал головой:

– По-моему, Джеймс тоже на вас запал. Берегитесь, у него репутация отъявленного сердцееда.

– Спасибо за предупреждение.

Ребекка покинула террасу и поднялась к себе. Через несколько минут в дверь постучали. Это оказалась миссис Треватан.

– Простите за беспокойство, Ребекка, – сказала миссис Треватан. – Вы уже познакомились с его светлостью?

– Да, – пробормотала Ребекка, продолжая развешивать свою одежду в платяной шкаф красного дерева.

– Давайте я вам помогу.

– Спасибо, я отлично справлюсь сама.

– Присядьте, поговорим.

Ребекка уместилась на краешке кровати, а экономка вытаскивала из чемодана остальную одежду.

– У вас так мало вещей, – удивилась миссис Треватан. – Вообще-то, я пришла сообщить, что его светлость приглашает вас сегодня на ужин. Он всегда ужинает ровно в восемь.

– Боюсь, что не получится. Я приняла другое приглашение.

– Понятно, – неодобрительно поджала губы экономка. – Его светлость очень расстроится, а ведь он согласился вас приютить.

– Пожалуйста, передайте ему мои извинения. Я буду счастлива поужинать с ним в любой другой день, – примирительным тоном сказала Ребекка.

– Передам. Он терпеть не может чужаков, разгуливающих по дому. Его светлость нуждается в покое. Однако против рожна не попрешь.

– Извините?

– Я имею в виду, чтобы содержать дом, нужны деньги, – пояснила миссис Треватан.

– Понятно. А у лорда Астбери есть семья? – поинтересовалась Ребекка.

– Нет.

– Он здесь один живет?

– Да. Ладно, тогда увидимся утром. С первыми лучами солнца. Смотрите, не задерживайтесь на этом своем ужине, хорошо? Завтра вам надо хорошо выглядеть.

– Обещаю не задерживаться. И спасибо, миссис Треватан.

Экономка относилась к ней по-матерински, и это было приятно. Ребекка не любила вспоминать свое детство. Правды о ее прошлом не знал даже личный агент. Она рассказала только Джеку. Однажды осенним вечером, когда они уехали на выходные в продуваемый всеми ветрами Нантакет. Она плакала в его объятиях, а он осторожно вытирал ей слезы.

Ребекка потрясла головой и вздохнула. Тогда он любил ее по-настоящему. Это воспоминание не вязалось с более поздними, когда Джек под влиянием наркотиков стал агрессивным и невменяемым. Ей далеко не впервые захотелось, чтобы они были самыми обычными людьми, как в тот уик-энд, согревающими друг друга в объятиях, никем не признанными. Просто влюбленными. Но что толку мечтать о невозможном?

Отгнав грустные мысли, Ребекка посмотрела на часы и поняла, что до ужина с Джеймсом осталось меньше часа.

3

– Добрый вечер, – приветствовал ее коллега по цеху, когда она вошла в небольшую гостиную в номере, где был накрыт стол на двоих. Джеймс расцеловал ее в щеки и повел к столу. – Я подумал, что при сложившихся обстоятельствах вы предпочтете поужинать здесь.

– Да, спасибо, – согласилась Ребекка, радуясь, что спасена от любопытных взглядов в ресторане, но в то же время опасаясь стать жертвой сплетен, распространяемых персоналом. Еще неизвестно, что хуже: поужинать с привлекательным коллегой в ресторане на виду у всех – или в его апартаментах.

– Не волнуйтесь по поводу обслуги, – сказал Джеймс, словно прочел ее мысли. – Роберт потребовал, чтобы все сотрудники подписали документ о неразглашении информации. Если хоть одно слово просочится в прессу, наши юристы любого засудят.

– Тогда хорошо.

– Безумие какое-то, правда? – вздохнул Джеймс. – Ладно, суп уже принесли, давайте есть, пока не остыл. Немного вина?

– Нет, спасибо. Завтра утром надо быть бодрой и свежей, – ответила Ребекка.

– Расскажите, как вас «открыли», – попросил Джеймс, на-

ливая себе вина.

Ребекка задумчиво помешала жидкий безвкусный суп, не идущий ни в какое сравнение с ароматным угощением миссис Треватан.

– Собственно, меня никто не открывал. В двадцать лет я получила небольшую роль в телесериале, потом – другую... Так постепенно и росла, – пожалала плечами она.

– Я еще не добрался до Голливуда, – сказал Джеймс, – внимание журналистов и здесь достаточно неприятно, но там, говорят, сущий кошмар.

– Это правда, поэтому я там и не живу, – ответила Ребекка. – У меня квартира в Нью-Йорке.

– Разумно. Один мой друг пару лет назад летал в Лос-Анджелес снимать кино, так он рассказывал, что большинство кинозвезд вообще не выходят из дома. Сидят безвылазно за непроницаемыми стенами под усиленной охраной. Я бы так не смог, – с усмешкой добавил он.

– Ваш друг прав, я бы тоже не смогла, в Нью-Йорке все проще.

– Вот только сейчас вас приходится прятать даже в Девоншире.

– Да, сущий кошмар. – Устав бороться с невкусным супом, Ребекка отставила ложку.

– Мне всегда казалось забавным, что начинающие актеры мечтают добиться славы и богатства, – задумчиво сказал Джеймс, – а ведь за это приходится платить. Я, конечно, не

в вашей лиге, но даже мои шалости попадают в газеты.

– К этому можно привыкнуть, – вздохнула Ребекка, – таковы правила игры. Меня больше возмущает, когда они врут.

– Но ведь ваша помолвка – не ложь?

Девушка помолчала, собираясь с мыслями. Джеймс доел суп и достал из подогрева две тарелки.

– Я бы назвала это объявление несколько... преждевременным. Джек действительно попросил моей руки.

– И вы сказали «да»?

– Вроде того. Впрочем, мы ведь собирались поговорить о фильме? – сухо спросила она.

– Конечно. – Джеймс понял намек. – Итак, мисс Брэдли, завтра утром я поцелую одну из самых красивых женщин в мире. Горе мне! – Он возвел глаза к небесам и тяжело вздохнул. – Пакостная у нас работа. Должен сказать, Ребекка, вы действительно великолепны. – Джеймс наклонился, чтобы лучше разглядеть ее черты. – Я не вижу на вашем прекрасном лице ни единого следа косметики. Даже помады.

– Ничего, завтра меня так наштукатурят, что я стану похожа на разрисованную куклу.

– Вы когда-нибудь влюблялись в сценического партнера, не считая Джека?

– Нет, – честно ответила Ребекка. – А вы?

Джеймс пригубил вино.

– Не могу похвалиться безупречной репутацией, – признал он, лукаво блеснув глазами. – Работая со столькими

восхитительными женщинами, я порой ощущал себя ребенком в кондитерском магазине. Я не лучше и не хуже других, разница только в том, что мои подвиги широко освещались в средствах массовой информации.

Он улыбнулся и сменил тему:

– Как вы находите Англию?

Пока ужинали, Ребекка заметно потеплела к Джеймсу. Он обладал редким для известного актера чувством юмора и относился к себе со здоровой иронией, не принимая свою карьеру слишком всерьез. После Джека, который вечно жаловался, что никто не ценит его талант, а роли, которые ему предлагают, не дают возможности проявить себя, такое отношение показалось Ребекке глотком свежего воздуха.

В конце трапезы Ребекка попросила мятный чай, а Джеймс – кофе с коньяком.

– Давайте признаемся себе, – пожал он плечами, – выгляди мы как огородные пугала, то не играли бы Элизабет с Лоренсом. Такова жизнь.

– Пожалуй. И кстати, мне пора идти.

– Конечно, я отправлюсь в свою спальню-чулан, а вас отвезут спать во дворец, как принцессу, – улыбнулся Джеймс. – Ничего, если я распрощаюсь с вами здесь? Не хочу, чтобы рыщущие вокруг отеля фотографы неправильно нас поняли.

– Да, спасибо, – сказала Ребекка, вставая. – До завтра, увидимся на площадке.

Джеймс вновь поцеловал ее в щеку:

– Серьезно, Ребекка, если вам что-нибудь нужно, я всегда готов помочь.

– Спасибо, доброй ночи, – прошептала она и вышла из номера. Чтобы не столкнуться с кем-нибудь в лифте, она спустилась по лестнице и поспешила к выходу, где в «Мерседесе» ждал Грэм.

Пятнадцать минут спустя Ребекка уже входила в свою спальню. Миссис Треватан включила ночник и заботливо отвернула краешек покрывала. Раздевшись и нырнув под простыни, девушка и вправду почувствовала себя принцессой.

Среди ночи ее разбудил какой-то звук. Включив лампу, Ребекка убедилась, что в спальне никого нет. Спросонок ей показалось, что в комнате пахнет духами с яркими цветочными нотами – приятными, хотя слишком резкими. Ребекка пожалала плечами, выключила свет и вновь провалилась в сон.

– Вам на площадку через пять минут, мисс Брэдли, – сообщил посыльный, заглянув в гримерную.

– И она готова, – торжественно заявила визажистка Крисси, припудрила Ребекке лоб и сняла с нее защитный фартук.

– Вау! – воскликнул посыльный, когда Ребекка встала и повернулась к нему. – Потрясающе выглядите, мисс Брэдли, – восхищенно добавил он.

– Еще бы! – с гордостью сказала Крисси.

– Благодарю, – кивнула Ребекка, которая никак не могла привыкнуть к своей новой прическе, тщательно накра-

шенным глазам, алебастровой коже и темно-красной помаде. Она не узнавала себя в зеркале. Пройдя вслед за курьером в главный вестибюль, Ребекка увидела спускающегося по широкой мраморной лестнице Энтони. – Доброе утро!

Заметив ее, тот остановился как вкопанный, и его лицо искажил ужас.

– О господи...

– Что случилось?

Энтони молчал, не отводя от нее взгляда.

– Пойдемте, мисс Брэдли, – поторопил посыльный.

– До свидания, – невпопад сказала Ребекка застывшей на лестнице фигуре и прошла вслед за курьером к двери.

Пока операторы выставляли камеры на террасе, Джеймс ждал в гостиной.

– Потрясающая прическа, милая! А это вы или не вы под всем этим макияжем?

– Местами, – ответила Ребекка.

Их тут же позвали на площадку.

– Вам, наверное, говорили, что вы сногшибательны, – игриво прошептал Джеймс, подавая ей руку, – хотя мне вы больше нравитесь без ничего... Я имею в виду косметику.

Подошел Роберт, одобрительно приобнял ее за плечи.

– Вы – само совершенство. Готовы?

– Как всегда, – взволнованно ответила Ребекка.

– Уверен, у вас все получится, – подбодрил ее режиссер. – Давайте начинать.

Два часа спустя Ребекка с Джеймсом вернулись в гостиную. Измученная от нервного напряжения, она упала в кресло.

– Слава богу, закончили!

– Вы были прекрасны, – заметил Джеймс, прикуривая сигарету у открытой двери. – И у вас идеальное произношение.

– Спасибо, – с чувством сказала Ребекка. – Вы очень мне помогли.

– Вам не кажется, что из нас вышла неплохая пара? Я получил огромное удовольствие от поцелуя, – подмигнув, добавил он.

Ребекка покраснела и встала.

– Пойду выпью чего-нибудь холодненького. До встречи.

Она быстро вышла из комнаты, не желая утверждать его в мысли, что экранные отношения могут перерасти в нечто большее. Так вели себя многие партнеры по фильмам. Джеймс ей нравился, однако Ребекке сейчас нужен был друг, а не любовник.

У фургона с напитками ее остановил Стив.

– Только что в студию позвонил ваш агент, он вне себя. С ним связался ваш жених. Оба хотят знать, где вы. Можете им позвонить?

– Я оставила им сообщения, что со мной все в порядке, просто здесь нет сотового покрытия.

– Я знаю. Это жутко неудобно для всех, и мы спросили у лорда Астбери, не разрешит ли он нам пользоваться обыч-

ным телефоном. Компания согласна оплачивать счета, так что звоните сколько угодно, не то скоро в газетах появятся страшные истории, что вас похитили с целью выкупа.

Вздыхнув, Ребекка отправилась к себе в комнату, чтобы взять мобильный с номерами.

– Ребекка!

Внизу стоял Энтони.

– У вас найдется пара минут? Хочу вам кое-что показать.

– Конечно.

Лорд Астбери, не отрывая от нее взгляда, протянул руку.

– Пойдемте.

Она прошла вслед за ним по коридору в заднюю часть дома.

– Приготовьтесь к неожиданности.

– Хорошо, – ответила Ребекка.

Энтони открыл дверь в просторную библиотеку, вывел ее на середину, взял за плечи и развернул к камину.

– Взгляните.

Над камином висел портрет молодой женщины со светлыми волосами, одетой точно так же, как она сама, с украшенной стразами повязкой на лбу. Но Ребекку поразила не одежда, а лицо женщины: она могла с таким же успехом смотреть в зеркало.

– Она... похожа на меня!

– Вот именно. Поразительное сходство! Сегодня утром, увидев вас, я подумал, что вижу призрак.

Ребекка не могла оторвать взгляда от огромных карих глаз, бледного лица сердечком, курносого носика и пухлых губ.

– Кто это?

– Моя бабушка Вайолет. А самое интересное, она была американкой. Вышла за моего дедушку Дональда в тысяча девятьсот двадцатом году и приехала жить с ним сюда, в Астбери. И в Америке, и в Англии считалась одной из красивейших женщин своего времени. К несчастью, она умерла молодой, и я ее не знал. Дедушка умер месяцем позднее.

Энтони замолчал и тяжело вздохнул:

– Можно считать, что смерть бабушки стала началом конца семьи Астбери.

– А от чего она умерла?

– Как и многие женщины того времени, она умерла родами...

– Мне очень жаль, – растерянно промолвила Ребекка.

Справившись с волнением, Энтони продолжил:

– Моя бедная святая мать, Дейзи, выросла сиротой, ее воспитывала бабушка. Вот мама. – Он указал на портрет женщины средних лет, со страдальчески поджатыми губами. – Не хочу показаться сентиментальным, но после смерти Вайолет над семейством Астбери словно навис злой рок.

Внезапно Энтони переключил внимание с портрета на Ребекку.

– Вы, случайно, никак не связаны с семейством Драмне-

ров из Нью-Йорка? В начале двадцатого века это был очень богатый и могущественный клан. Фактически именно приданое Вайолет спасло поместье от разорения.

Энтони пристально смотрел ей в глаза, ожидая ответа. Однако Ребекка не собиралась делиться тайнами своего прошлого с чужим человеком.

– Нет, я из Чикаго и никогда не слышала фамилию Драмнер. Наверное, это просто совпадение.

– Тем не менее очень странно, – Энтони напряженно улыбнулся, – что вы приехали в Астбери, играете героиню из тех времен, когда жила Вайолет, и так похожи на нее.

– Да, странно, но уверяю вас: я никак не связана с вашей семьей, – твердо заявила Ребекка.

– Что ж, вам виднее. Я просто хотел объяснить, какой шок испытал сегодня утром. Пожалуйста, простите меня.

– Конечно.

– Не смею больше вас задерживать, я чувствовал себя обязанным показать вам портрет Вайолет. И еще: не согласитесь ли вы разделить со мной сегодняшний ужин?

– Спасибо, с удовольствием. А теперь мне действительно пора, через час продолжение съемок.

– Да-да, конечно. – Энтони открыл дверь и пропустил девушку вперед.

Они молча прошли в вестибюль. Улыбнувшись на прощанье, Ребекка поднялась к себе и без сил упала в кресло у камина.

Она соврала. Единственное, что она знала о своих родителях, – это имя матери: Дженни Брэдли. И то, что Дженни отдала ее в приют в пятилетнем возрасте.

Ребекка считала своими родителями Боба и Маргарет, у которых жила с шести лет. Они долгие годы пытались удочерить девочку, однако биологическая мать каждый раз отказывалась подписать бумаги, надеясь, что когда-нибудь сможет сама заботиться о дочери. Все детство Ребекка мечтала о постоянстве и безопасности. По ночам ее охватывал страх, что мать вновь заберет ее к себе. И только в девятнадцать лет Боб с Маргарет осторожно сообщили Ребекке, что Дженни умерла от передозировки.

Она не знала, кто ее отец. Наверное, не знала и сама Дженни, если торговала своим телом, чтобы купить спиртное и наркотики.

Ребекка смотрела перед собой отсутствующим взглядом. Даже если ее отец приходился родственником Вайолет Драмнер, установить это не представлялось возможным. В свидетельстве о рождении стоял прочерк.

Впервые за все время здесь она почувствовала, как ей не хватает Джека, схватила телефон и отправилась в кабинет Энтони. Звонок опять был переадресован на голосовую почту, но Ребекка прекрасно знала, что Джек никогда не отвечает на незнакомые номера из соображений безопасности.

– Привет, любимый, это я. Здесь нет связи, только обычный телефон. Позвоню еще раз попозже. Мне через час сно-

ва на площадку. Надеюсь, у тебя все хорошо. Пока.

Завершив звонок, она набрала Виктора. На этот раз агент ответил:

– Как ты, солнце? Я уже собирался ЦРУ подключать.

– Все в порядке. Съёмки проходят в великолепной старинной усадьбе, за мной охотились журналисты, и хозяин поместья лорд Астбери разрешил мне пожить здесь. Не волнуйся, я в полной безопасности.

– Понятно. А что за катавасия с вашей помолвкой? Прежде чем соглашаться, могла бы у меня спросить.

– Правда? А я почему-то думала, что могу решать сама, за кого выходить замуж. – Ребекка раздраженно побарабанила пальцами по столу.

– Ты прекрасно знаешь, что я не это имел в виду, – примирительно сказал Виктор. – Просто следовало предупредить меня, что хочешь сделать объявление, и я бы все устроил.

– На самом деле, строго между нами, я еще не сказала «да».

На другом конце провода повисло затяжное молчание.

– Что? Ты издеваешься? – В голосе Виктора звучала паника.

– Я сказала Джеку, что должна подумать. И думаю. Я не виновата, что он решил форсировать события и подтвердить информацию о помолвке, не дождавшись моего согласия.

– О боже, Ребекка! Если ты дашь задний ход, поклонники Джека завалят тебя письмами ненависти и начнут бойкоти-

ровать твои фильмы!

Кровь бросилась ей в голову.

– Виктор, мне надо подумать, – твердо повторила девушка.

– Ладно. Только на этот раз не забудь сообщить мне свое решение. Сперва Джеку, а потом мне. Очень надеюсь, что ответ будет положительным. Не вешай нос, малышка, – добавил он. – Не понравится – всегда можно развестись. Сейчас наступает поворотный момент в твоей карьере, и я не хочу ставить ее под угрозу негативной рекламой.

На той стороне снова замолчали, а затем раздался неуверенный голос:

– Ничего не случилось, точно?

– Да успокойся уже! – Ребекка начала терять терпение.

– Ладно, разберемся. Только не позволяй никаких вольностей этому англичанину, который играет твоего любовника. У него жуткая репутация.

– Лекция окончена? Может, тебе интересно, как прошел первый день съемок?

– Послушай, крошка, давай поговорим в другой раз, а? Мне пора выдвигаться на встречу.

– Ладно.

– Умница! Позвонишь мне попозже?

– Хорошо. Пока.

Завершив звонок, Ребекка раздраженно уставилась на свои атласные туфельки. Она знала, что Виктор желает ей

добра. Он очень хороший агент и делает все правильно. Но порой его опека заходит слишком далеко. Он мне не хозяин и даже не отец, сердито подумала она.

Окинув взглядом ряд черно-белых фотографий в серебряных рамках, Ребекка по-хорошему позавидовала хозяину дома: у него была настоящая семья, он знал своих предков, живших много поколений назад. На одном из снимков мать Энтони держала за ручку хорошенькую маленькую девочку с длинными белокурыми кудряшками; должно быть, его сестру. Поднявшись из-за стола, Ребекка бросила взгляд на старый дорожный будильник. До начала послеобеденных съемок осталось двадцать минут, а надо еще перекусить.

Без четверти восемь, услышав негромкий стук в дверь, Ребекка подумала, что не стоило принимать приглашение Энтони – она страшно устала.

– Вы готовы? – В дверь просунулось розовое лицо миссис Треватан.

– Спущусь через несколько минут.

Сбросив халат, она вошла в джинсы и футболку и привела в порядок непривычную короткую прическу. Посмотрелась в зеркало. Без косметики лицо из-за нового цвета волос казалось болезненно бледным.

Спускаясь по лестнице, Ребекка задумалась о том, насколько миссис Треватан предана своему хозяину. Их отношения словно пришли из другой эпохи, как будто время никак не повлияло на Астбери-холл и его обитателей.

Девушка остановилась перед дверью в столовую и постучала.

– Войдите.

Толкнув дверь, Ребекка увидела, что Энтони уже восседает во главе изящного длинного стола. То, что он сидел один в огромной комнате, за столом, где могло поместиться много людей, только подчеркивало его одиночество.

– Добрый вечер. – Хозяин с улыбкой указал на прибор слева от себя, встал и отодвинул стул.

– Спасибо, – неловко пробормотала Ребекка.

– Вина? – спросил Энтони, вернувшись на место и подняв с серебряного подноса графин с рубиново-красной жидкостью. – Кларет прекрасно подходит к говядине.

– Разве что совсем немножко. – Ребекка редко пила спиртное, а тем более – красное вино. Говядину она тоже не слишком любила.

– Разумеется, у моей дорогой матери был дворецкий, который наливал и подавал вино, – пожал плечами Энтони, – но, когда он ушел на пенсию, у нас не оказалось денег, чтобы найти ему замену.

– Не представляю, во сколько обходится содержание такого дома...

– Об этом лучше не думать, – вздохнул Энтони.

Вошла экономка с подносом и поставила перед ними по тарелке супа.

– Но мы пока держимся, не так ли, миссис Треватан? – с теплой улыбкой обернулся к ней Энтони.

– Да, милорд, – кивнула экономка и вышла.

– Миссис Треватан справляется с хозяйством практически в одиночку. Не представляю, что я буду делать, если она решит уйти. Ну ладно, давайте есть.

– Она всю жизнь здесь проработала?

– Да, как и ее предки. Ее мать, Мейбл, нянчила меня в детстве.

– Наверное, приятно знать историю своей семьи, – сказала

Ребекка, опустив ложку в суп.

– Пожалуй. Хотя, как я уже упоминал, со смертью Вайолет все начало приходить в упадок. Вам известно, что платье, в котором я увидел вас сегодня утром, принадлежало ей?

У Ребекки мурашки поползли по коже.

– Правда?

– Да. Ее дочь Дейзи, то есть моя мама, сохранила платье в идеальном состоянии.

– Как я понимаю, Дейзи не знала свою мать, ведь Вайолет умерла родами?

– Да, и все-таки она боготворила Вайолет, вернее, свое представление о ней. А я боготворил ее, – печально произнес Энтони.

– Давно умерла ваша мать?

– Двадцать пять лет назад. Если честно, я до сих пор по ней скучаю. Мы были очень близки.

– Потерять мать – это самое страшное, – согласилась Ребекка.

– Видите ли, у нас больше никого не было. Она стала для меня всем.

– А что случилось с вашим отцом?

Лицо Энтони буквально потемнело.

– Он был скверным человеком. Бедная мама чего только не натерпелась с ним! Отец с самого начала терпеть не мог Астбери и почти все время жил в Лондоне. Mamочка ни капли не огорчилась, когда он умер в грязном борделе в Ист-

Энде. Напился, как свинья, упал и сломал себе шею.

Энтони содрогнулся. Ребекка прекрасно понимала его чувства. Ей вдруг захотелось поделиться своей болью, и все же она не могла открыть тайны своего прошлого практически незнакомому человеку.

– Простите, вам, наверное, тяжело об этом вспоминать, – промолвила она.

– Мне было всего три года, так что я почти не помню отца. Не могу сказать, что мне его не хватало. Ладно, давайте больше не будем говорить о прошлом. – Энтони отложил ложку. – Расскажите лучше о себе.

Миссис Треватан убрала суповые миски и поставила перед каждым по солидной порции говядины.

– Ну, я обычная американская девушка из Чикаго...

– Только не скромничайте! Все говорят, что вы одна из самых красивых и знаменитых женщин своего времени. То же самое говорили в ее лучшие дни о моей бабушке.

Ребекка смущенно покраснела.

– Мне просто повезло, в отличие от многих других молодых актрис.

– Думаю, здесь не обошлось без таланта, – продолжал Энтони, – хотя я, как уже говорил, не смотрел ни одной картины с вашим участием. Кроме того, хотелось бы заметить, что красивых женщин много, но мало кого из них отличает присущее вам личное обаяние. Оно присутствовало и у Вайолет. Она была душой общества и в Лондоне, и в Нью-Йорке.

А здесь, в Астбери, устраивала приемы для очень богатых и известных людей. Вот были времена! Мне иногда кажется, что я опоздал родиться. Но хватит об этом.

Энтони молча доел свою говядину, а Ребекка не осилила и половины.

– Вы уже поели? – спросил наконец он.

– Да. – Ребекка опустила виноватый взгляд в тарелку. – Извините. У меня не очень хороший аппетит.

– Я так и понял. Видимо, не стоит соблазнять вас яблочно-смородиновым крамблом, который приготовила миссис Треватан?

– Боюсь, что нет. – Ребекка подавила зевок.

Энтони нежно взял ее за руку:

– Вы устали.

– Да, немного. У меня был ранний подъем.

– Понятно. Уверен, меньше всего вам сейчас хочется развлекать скучного старикашку. Ступайте наверх, а я попрошу миссис Треватан принести вам теплого молока. Конечно, старомодно, но я верю в его снотворный эффект.

– Если не возражаете, я так и сделаю.

– Ничуть, хотя буду рад, если вы согласитесь составить мне компанию в другой раз. Мне было очень приятно с вами побеседовать... Миссис Треватан, гостя меня покидает, и я пообещал, что вы принесете ей теплого молока.

– Да, ваша светлость.

– Вот и славно. – Энтони поднялся и поцеловал Ребекке

руку. – Спасибо за компанию и доброй ночи.

– И вам спасибо за ужин.

Забравшись в постель, Ребекка вглядывалась в сгущающуюся темноту за окном и размышляла о своем разговоре с хозяином дома. Энтони с его старомодными манерами казался ей таким же пережитком прошлого, как само поместье.

Находясь в особняке, погруженном во вчерашний век, легко было представить, как жили его обитатели сто лет назад. Когда актеры и киношники разъехались, усадьба вернулась к обычному ритму жизни, и Ребекка словно попала в прошлое. Завтра нужно заставить себя вырваться из заколдованного мира Астбери в реальную жизнь и обязательно связаться с Джеком. Она выключила свет и уснула.

Среди ночи Ребекка опять почувствовала сильный цветочный аромат, напоминающий об экзотических местах, где всегда мечтала побывать. Затем ей почудилось, что откуда-то раздается тихое пение. Девушка вскочила с кровати, прошлепала босиком к двери и выглянула в темный коридор. Звук резко оборвался.

Убедив себя, что это сон, она вернулась в постель и уснула.

5

Мумбаи, Индия

Неделя выдалась напряженная, и пятница тянулась бесконечно, поэтому Ари несказанно обрадовался, попав наконец домой, в просторную двухуровневую квартиру с видом на море. Он сразу прошел на кухню, чтобы смешать себе солидную порцию джина с тоником – успокоить нервы. Лали не станет упрекать его в излишнем пристрастии к спиртному. По сравнению с западными деловыми партнерами он практически не пил. Гостиная оказалась пуста, и Ари подумал, что девушка принимает душ внизу. Удобно устроившись на диване, он с наслаждением отхлебнул большой глоток.

Ари и сам не знал, почему находится в постоянном напряжении. Дела в компании шли блестяще, особенно в последние месяцы. Мировой экономический кризис заставил Америку и европейские страны обратить свои взоры на Индию. Теперь у фирмы было больше работы, чем она могла осилить. Наверное, в этом и проблема – где найти компетентных и достойных доверия менеджеров? Приходилось работать за десятерых.

Лали уже давно уговаривала его взять отпуск, подсовывала проспекты тихих пляжных курортов, словно не понимала, что сейчас не время для отдыха.

– Мы поедем отдыхать, как только я найду надежных по-

мощников, – обещал Ари.

– Милый, ты повторяешь это целых три года, – печально вздыхала она, отправляя проспекты в корзину для бумаг.

Чувствуя себя виноватым, он приносил девушке кольцо или браслет, выбранные секретаршей, или платье от ее любимого дизайнера. Просил прощения, что не уделяет ей достаточно времени, старался вернуться домой пораньше и вел ее в ресторан. Затем они обсуждали, как проводить больше времени вместе... А уже в понедельник Ари возвращался к привычному восемнадцатичасовому рабочему дню.

Осушив стакан, он пошел за второй порцией. Вдруг вспомнилось, как порой срывался и кричал на нее.

– Если я не буду работать, откуда мы возьмем деньги на эту роскошную квартиру или на твои красивые платья?

– Мне все равно, где жить и что надевать, – отвечала Лали. – Это важно для тебя, Ари, а не для меня.

Выйдя на террасу, он пытался убедить себя, что это неправда. Лали думает, что может обойтись без денег, но она ошибается.

Ари понимал, что дело не только в его одержимости работой. Лали под тридцать, ей хочется замуж. Четыре года назад она рискнула переехать к нему вопреки воле родителей, надеясь, что рано или поздно он сделает предложение. Однако Ари не мог заставить себя сказать нужные слова, хотя сам не понимал почему: без всякого сомнения, он любил Лали. Она была очень красива, а ее мягкий, спокойный нрав прекрасно

уравновешивал его буйный темперамент. Друзья в один голос утверждали, что она ему идеально подходит.

К тридцати шести годам в любовницах Ари побывала целая плеяда восхитительных женщин, но каждый раз что-то удерживало его от решительного шага.

Он заметил, что в последний месяц Лали как-то отдалась. Раньше всегда встречала его после работы, стараясь приласкать и накормить, а теперь все чаще где-то пропадала: то в спортзале, то на прогулке с подругами. Да и не удивительно: работая дома, Ари ее практически не замечал.

Пройдясь по квартире, он понял, что Лали нет дома, она даже не оставила записки или сообщения о своем местопребывании. После душа Ари прошел на кухню, разогрел в микроволновке остатки вчерашнего ужина и вернулся в гостиную с тарелкой и бокалом вина. Включив огромный телевизор, стал перелистывать каналы в поисках футбола. Как всегда, работы было по горло, но он чувствовал себя слишком вымотанным.

На горизонте маячила хорошая новость: один из молодых менеджеров, который пришел в компанию два года назад, оказался на голову выше остальных. Недавно Ари переговорил с ним и предложил повышение: взять в свои руки индийскую часть бизнеса, которая набирала обороты вместе с национальной экономикой. Если Дирен хорошо проявит себя в ближайшие полгода, можно будет поставить его директором.

Через три недели Ари предстояло лететь в Лондон на

встречу с потенциальными клиентами; хотелось оставить вместо себя надежного человека.

Ему пришла мысль взять с собой Лали. Конечно, он не сможет проводить с ней много времени, зато она погуляет по городу, посмотрит достопримечательности. Да, надо сказать ей, когда вернется.

В половине одиннадцатого Ари выключил свет в гостиной и спустился в спальню. Очень странно. Лали никогда не задерживалась так поздно, тем более без предупреждения. «Наверное, обиделась», – подумал он, вспомнив несколько случаев, когда девушка угрожала его бросить. Ему всегда удавалось вымолить прощение – он умел убеждать. Никуда она не денется.

В восемь утра, допивая кофе перед выходом на работу, Ари услышал поворот ключа в замке, и в кухню вошла Лали. Измученная и бледная, без косметики, девушка напоминала обиженного ребенка. Увидев ее в дверном проеме, Ари понял, что она нервничает.

– Можно поинтересоваться, где ты была?

– Я ночевала у родителей.

– Правда? Я думал, ты с ними не разговариваешь, – удивился он.

– Я и не разговаривала: знала, что они тебе не нравятся.

– Подожди! – возмутился Ари. – Насколько я помню, когда ты решила переехать ко мне, они заявили, что не пустят тебя на порог. Я думал, ты тоже от них не в восторге.

Она посмотрела на него огромными карими глазами, полными слез.

– Они – мои родители, Ари. Я скучала по ним и чувствовала себя виноватой, что подвела их.

– Что значит подвела? Ты просто приняла решение, с которым они не согласились, вот и все.

– Я... – Она вздохнула и помотала головой. – Ари, ты очень сильно переменялся.

– Что ты имеешь в виду?

– Теперь уже все равно... Я не хочу ссориться.

– В чем дело, Лали?

Она помолчала, собираясь с духом.

– Я переезжаю обратно к родителям. Пришла за вещами.

– Понятно. И надолго ты к ним? Еще на одну ночь? На месяц? А может, навсегда?

– Навсегда. Извини.

– То есть ты меня бросаешь? – наконец сообразил Ари.

– Да. Я не хочу ссориться или выяснять отношения. Просто заберу вещи и уйду.

Ее была нервная дрожь.

– Ты точно не хочешь со мной поговорить?

– Не о чем. Я пошла собирать вещи.

Она повернулась и вышла из кухни.

Ари не слишком волновался: они это уже проходили. Тем не менее ему было неприятно, что Лали решила переехать к родителям, которые с самого начала его невзлюбили. Он

встал из-за стола и пошел в спальню.

– Лали, любимая, я вижу, что ты расстроена. Между прочим, я как раз собирался предложить тебе поехать со мной в Европу. Ты права, нам нужно почаще бывать вместе.

– У тебя никогда нет на меня времени. Я буду сидеть в отеле, а ты – пропадать на встречах и возвращаться уставшим.

Лали достала с нижней полки шкафа чемодан, водрузила его на кровать и начала складывать одежду.

– Лали! – Ари подошел и хотел ее обнять. – Я...

– Не трогай меня! – Девушка вырвалась и стала снимать с вешалок платья.

– Лали, объясни, что на тебя нашло! Пожалуйста! Ты знаешь, что я люблю тебя и не хочу, чтобы ты уходила.

– Нет. – Она подняла на него глаза, полные невыразимой печали. – Я верю тебе, но я должна уйти.

– Почему? Я думал, у нас все хорошо.

– Да, ты думал, что все хорошо, – горько произнесла Лали и застегнула молнию на чемодане. Затем взяла портплед и стала складывать туда все, что лежало на туалетном столике. – Ты не виноват, Ари. Просто так случилось.

– Не говори загадками, родная, я не понимаю. Если не я, то кто виноват?

Лали остановилась и тяжело вздохнула, глядя в никуда.

– Мы хотим от жизни разного, вот и все. Я хочу семью, детей и мужа, у которого найдется время побыть со мной. –

Она перевела взгляд на любимого и едва заметно улыбнулась. – А тебе нужны успех и деньги. Надеюсь, они принесут тебе счастье. Извини, мне надо идти, внизу ждет отец. – Она вынула из кармана джинсов ключи от квартиры и машины и положила на столик. – Прощай, Ари. Я всегда буду любить тебя. Счастья тебе.

Ари стоял, окаменев, пока Лали катила чемодан, и пришел в себя, только когда хлопнула входная дверь. Выбежав из квартиры, он увидел закрывшуюся дверь лифта.

– Лали! – Ари ударил кулаком по кнопке и медленно вернулся в квартиру. Конечно же, она не уйдет. Просто решила устроить сцену, чтобы заставить его жениться. Ну, нет, ничего не получится. Шантажа он не потерпит.

Кроме того, она и двух минут не выдержит в хижине своих родителей. Придется жить в одной комнате с младшими братьями и сестрами, а их четверо. Вряд ли ей это понравится после роскоши, в которой она жила с ним.

На смену отчаянию пришла злость – он дал ей все, а она так поступила. Лали всегда говорила, что ее не интересуют материальные ценности, что живи он в убогой хижине на пляже, торгуя шамбалой³ и выручая несколько рупий в день, она бы любила его не меньше.

– Ну что ж, – с вызовом произнес Ари, – пусть поживет у родителей, а там посмотрим.

³ Шамбала (пажитник сенной) – растение семейства бобовых, из семян которого делают популярную в индийской кухне специю.

Поняв, что опаздывает на работу, он схватил ключи от машины и выбежал из квартиры.

Через неделю оптимизма у Ари поубавилось. Лали ни разу не позвонила. Сначала он даже радовался, что никто не отвлекает его от работы, но вместо того чтобы работать, целыми днями смотрел в окно на пляж, где загорали и купались люди, отдыхающие со своими семьями.

На самом деле он страшно скучал по Лали. Он и не подозревал, что будет так скучать. Бесчисленное множество раз набирал ее номер... Останавливала гордость. «Это она ушла, – шептал ему внутренний голос, – значит, она и должна позвонить первой. Выслушаю извинения и без упреков приму обратно, а потом, когда сам решу, сделаю предложение».

Однако шли дни, и его уверенность стала ослабевать. Сидя вечером в огромной пустой квартире, он думал, с кем можно поговорить, у кого спросить совета, – и не мог вспомнить ни одного человека, который его выслушает. Последние годы Ари был слишком занят, чтобы поддерживать дружбу со школьными приятелями, а после отказа приехать на похороны Анахиты десять лет назад родители и другие родственники махнули на него рукой. Он звонил домой раз в месяц, спрашивал, как их здоровье и что нового, не более. Даже мать, если брала трубку, вела себя холодно и отстраненно.

«Они от меня отказались», – со вздохом подумал Ари, спускаясь в спальню, где стояла слишком большая для од-

ного кровать. Лежа на спине и положив руки за голову, он размышлял, как так получается: пока не ушла Лали, у него вечно ни на что не хватало времени. А теперь вечера тянутся как целая жизнь.

На следующее утро, заранее ужасаясь долгому, пустому уик-энду, Ари принял решение. Нужно наступить на свою гордость и попросить ее вернуться. Глубоко вздохнув, он набрал номер и впервые дождался соединения. Но вместо звонкого голоса Лали услышал лишь монотонный гудок, который означал, что номер не обслуживается.

Впервые после ухода любимой его сердце сжалось от страха. До сих пор он был уверен, что произошедшая ссора – всего лишь столкновение личностей, и готов был с достоинством принять поражение. Он не верил, что Лали всерьез решила прекратить отношения.

Ари не на шутку испугался и стал думать, как ее найти. Он знал лишь, что родители Лали живут где-то в закоулках бедного района Дхарави; за все время он был там один раз и понятия не имел, как найти их дом. Потом начал вспоминать, что ему известно об окружении Лали. Девушка никогда не знакомила его с подругами, потому что те большей частью выросли в такой же бедности, как она сама, не отличались изысканностью манер и не подходили для совместного похода в «Индиго кафе».

«Как можно было прожить под одной крышей четыре года и не знать, чем она живет, выходя за порог? – спрашивал се-

бя Ари, меряя шагами залитую солнцем террасу. – Неужели это я во всем виноват? А кто же еще?»

Он ясно дал понять, что не желает иметь ничего общего с ее родителями. Даже не попытался наладить с ними отношения, хотя бы ради нее. Они были неплохие люди – бедные религиозные индусы, которые воспитывали своих детей, руководствуясь строгими моральными принципами, и, несмотря на весьма ограниченные средства, старались дать им образование.

Ари в изнеможении упал в кресло и наклонился вперед, сжав руками виски. Он презирал не только этих людей, но и их ценности: слепую веру в богов, смирение и покорность судьбе. Как и его собственные родители, они относились к «старой Индии», которую более чем столетнее правление британцев приучило к рабской покорности. Старшее поколение словно не понимало, что власть изменилась, что больше нет нужды в смирении. Индийский народ поднимал голову, и каждый мог творить свою судьбу.

Закипела необъяснимая злость. Неожиданно для самого себя он уронил голову на руки и впервые за много лет рыдался.

Ари знал, что не скоро забудет этот долгий, черный уик-энд. Он и сам не понимал, что оплакивает – потерю любимой или себя самого. Пятнадцать лет ежедневной погони за успехом, должно быть, привели к нервному срыву.

Да, он организовал успешное дело и получал хороший доход. Но в процессе потерял себя, превратился в одинокого, злобного, самовлюбленного эгоиста. Куда пропали присущие ему человеческие чувства, любовь к ближним и сострадание? Вспомнились годы, проведенные в школе-интернате в Англии. На него смотрели свысока только потому, что он из Индии. Хотя Индия получила независимость шестьдесят лет назад, британские аристократы по-прежнему претендовали на свое врожденное превосходство.

Британское правление имело множество страшных последствий для индийского народа. Культура и традиции хозяев оставили неизгладимый отпечаток на его родителях. Для них обучение сына в английской школе было пределом мечтаний.

Пять лет, проведенные в Англии, доказали: он не хуже и не глупее своих британских сверстников. Однако, отказавшись от отличительных качеств своего народа, он превратился в такого же империалиста, как те, что правили его страной раньше. Он потерял свою индийскую душу.

Воскресным вечером Ари вышел из квартиры и, притворившись приезжим, спросил у первого попавшегося прохожего дорогу к ближайшему храму: ему было стыдно. Оказавшись в храме, он снял обувь и проделал все полагающиеся ритуалы, когда-то естественные, как дыхание, а теперь странные и непривычные. Совершая пуджу⁴, Ари предложил

⁴ Пуджа – обряд почитания в индуизме.

подношения не богине богатства Лакшми, как делал это в свои редкие визиты в храм в последние годы, а Парвати, богине любви, и Вишну, всемогущему защитнику. Он просил у них прощения за то, что отдалился от родителей, и умолял вернуть Лали.

Вернувшись из храма в более спокойном состоянии духа, он сразу же позвонил домой. Трубку взяла мама.

– Привет, мам, я...

– Что случилось, сынок?

Мама сразу поняла, что ему плохо, и у него на глазах вновь появились слезы. Ари, плача, стал просить у нее прощения.

– Сынок, твой плач разбивает мне сердце. Это из-за Лали?

– Откуда ты знаешь, мама?

– Она не говорила, что была у нас две недели назад?

– Нет.

– Понятно.

– Что она сказала?

– Что больше не может ждать, пока ты сделаешь ей предложение, – вздохнула Самина, – что ты не любишь ее достаточно сильно, и будет лучше, если она даст тебе свободу. Ты ведь знаешь, как ей хотелось иметь семью.

– Да, понимаю. Пожалуйста, поверь, я люблю ее. Я скучаю и хочу, чтобы она вернулась. Если ты знаешь, где она, передай ей мои слова. Я... – Ари запнулся.

– Нет, сынок, она не вернется.

– Почему?! – Ари и сам понимал, что говорит, как изба-

лованный трехгодовалый ребенок, которому не купили понравившуюся игрушку.

– Мне очень жаль, что приходится тебе это говорить, но ты должен знать. Помнишь, родители хотели выдать ее замуж, а она отказалась, потому что полюбила тебя?

– Да. Какой-то троюродный брат из-под Калькутты, фермер, на двадцать лет старше...

– Вчера она вышла за него замуж.

Ари потрясенно молчал.

– Ари?

– Как это? Я не понимаю...

– А я понимаю, – спокойно ответила мать. – Лали уже под тридцать. У нее нет профессии, которой она могла бы зарабатывать на жизнь, а ее родители слишком бедны, чтобы содержать взрослую дочь. Выйдя за этого фермера, она будет обеспечена до конца своих дней.

– Разве я ее не обеспечивал? У нее было все! Может, я не уделял ей достаточно времени, но в финансовом отношении давал...

– Ты не давал того, чего ей больше всего хотелось. Чего хочет каждая женщина, особенно в Индии.

– Ты имеешь в виду брак? – простонал Ари.

– Разумеется. Лали понимала, что если она тебе надоест, ты можешь в любую минуту выставить ее на улицу. У нее не было никаких прав, положения в обществе, собственности. Знаешь, насколько это важно?

– Если бы она мне сказала... – кусал губы Ари.

– Думаю, она говорила, и не раз, только ты не слышал, – вздохнула Самина. – У нее были только молодость и красота.

А время шло.

– Мама, я не понимал, поверь мне...

– А она слишком гордая, чтобы умолять тебя.

– Что же делать? – в отчаянии спросил он.

– Может быть, начать сначала? Но Лали ушла навсегда.

– Я... мне надо идти... работать...

– Не пропадай, звони...

Не в силах больше слушать, Ари нажал отбой.

На следующий день он впервые в жизни не поехал на работу. Позвонил Дирену, новому менеджеру по продажам, и сказал, что подхватил вирус с высокой температурой. На следующие несколько дней впал в спячку. Вылезал из постели поесть, выпить что-нибудь и сходить в туалет. Всегда кипевший энергией, он чувствовал себя вялым и бессильным. Просыпаясь, лежал, уставившись в потолок, и размышлял, куда делась его хваленая целеустремленность.

Во вторник вечером Ари выполз на террасу и долго глядел вниз, на огни бурлящего жизнью города. Будущее казалось ему беспросветной черной дырой.

– Лали, что я наделал...

Вдруг из квартиры раздался звонок домофона. Молясь, чтобы это была она, Ари подбежал и схватил трубку.

– Аллю!

– Сынок, это я.

– Поднимайся, мама, – разочарованно и в то же время удивленно произнес он.

Родители жили в добрых пяти часах езды.

– Сынок!

Самина заключила его в объятия. В этот момент обида и горечь последних лет ушли, и Ари расплакался, как ребенок.

– Прости, мама, я так виноват...

Самина убрала с его глаз прядь волос и улыбнулась:

– Самое главное – что ты вернулся к своей семье, остальное неважно. Ну-ка, сделай матери чашку чаю. Устала я с дороги.

В тот вечер Ари высказал матери все, что мучило его в последние дни, поделился своими сомнениями и неуверенностью.

– Я рада, что ты говоришь сердцем, а не разумом, – пыталась утешить его Самина. – Я места себе не находила, гадая, куда пропал мой сын и вернется ли он когда-нибудь. Ты получил ценный урок. Счастье состоит из многих вещей, а не из чего-то одного. Деньги и успех не принесут тебе счастья, если твое сердце закрыто.

– То же самое говорила мне в нашу последнюю встречу прабабушка, – задумчиво сказал Ари. – Что когда-нибудь я это пойму.

– Анахита была мудрая женщина.

– Да, и мне очень стыдно, что я с ней не попросился.

– Ну, если ты, подобно ей, веришь в духов, то она здесь, с нами, и принимает твои извинения. А теперь, – Самина зевнула, – я устала после долгой дороги, мне нужно поспать.

– Конечно, мама. – Ари провел ее в самую красивую спальню.

– Я буду спать одна, как королева, и целую ночь не услышу храпа твоего отца, – улыбнулась Самина. – Может, отсюда и не уезжать?

– Оставайся сколько хочешь, мама, – ответил Ари, с удивлением понимая, что говорит это не из вежливости. Ему стало стыдно, что он никогда не приглашал мать к себе. – И спасибо, что приехала, – добавил он, целуя ее на ночь.

– Неважно, какая у тебя квартира и сколько денег, ты всегда останешься для меня любимым первенцем. – Самина ласково погладила его по щеке.

Укладываясь в постель, Ари чувствовал странное умиротворение: в соседней комнате спала мать. Она не упрекала его за прошлое и немедленно приехала, узнав, что ему плохо. Затем вспомнилась Анахита, которая отказывалась верить, что ее сын все эти годы был мертв. Может, у матери действительно есть шестое чувство, когда речь идет о детях?

Взгляд Ари упал на ящик стола, где лежала история прабабушки, и его щеки залила краска стыда. Он не удосужился прочесть рукопись, хотя прошло уже одиннадцать лет. Если бы Анахита знала, как он в этом раскаивается!

Встав с постели, Ари открыл ящик и вытащил пожелтевшие листки. Записи были сделаны ровным, красивым почерком, на английском.

Однако глаза слипались. Пообещав себе, что начнет читать рукопись завтра, он лег в постель и уснул.

На следующий день Ари повел маму завтракать, после чего она засобиравалась домой.

– Выходи завтра на работу, – посоветовала Самина. – Займись делом. Лучше, чем сидеть в одиночестве в пустой квартире.

– Нет, мам, да что же это такое! – улыбнулся Ари. – То ты говоришь, что я слишком много работаю, а то сама толкаешь меня в офис!

– В жизни нужно находить равновесие, – парировала Самина, – только тогда ты обрешь счастье. Ой, чуть не забыла! – Она порылась в сумке и вытащила потрепанный томик стихотворений Редьярда Киплинга «Подарки фей». – Отец просил передать тебе книгу. Сказал, чтобы ты прочел стихотворение «Заповедь», одно из его любимых.

– Я знаю это стихотворение. Правда, не перечитывал со школьных времен.

Мама уехала, заручившись обещанием, что Ари приедет в гости, как только вернется из поездки, а он поехал в офис. Пригласив к себе в кабинет Дирена, сообщил, что оставляет его вместо себя, и может задержаться в Лондоне дольше,

чем планировал. А следующим вечером взошел на борт самолета, вылетающего в Хитроу. Даже не взглянув на список предлагаемых к просмотру фильмов, Ари прочел стихотворение и иронично улыбнулся. Он понял, что хотел сказать отец. Заказав бокал вина, он достал из портфеля прабабушкину рукопись.

Джайпур, Индия, 1911

6

Анахита

Я помню, мой сын. Тихим вечером даже легчайший намек на дуновение ветерка приносил благословенное облегчение от невыносимого зноя Джайпура. Мы с другими женщинами и детьми, живущими на женской половине Лунного дворца, забирались на крышу и устраивались там на ночь.

Джайпур стоит на равнине, окруженной бурыми пустынными холмами. Ребенком я думала, что живу в самом красивом месте на свете, потому что город был просто сказочным. На широких улицах стояли каменные особняки с куполообразными крышами, резными колоннами и верандами. И между ними, конечно же, Лунный дворец – город в городе, окруженный цветущим садом. Лабиринты узких дорожек с зубчатыми арками вели в многочисленные внутренние дворы, которые таили свои секреты от посторонних глаз.

Обитатели Джайпура тоже были яркими и многоцветными. Мужчины носили желтые, синие или рубиново-красные тюрбаны. Я любила смотреть на них с высоких террас двор-

ца. Сверху люди казались сотнями пестрых муравьев, снующих по своим делам.

Во дворце посреди волшебного города я чувствовала себя принцессой, хотя в отличие от большинства моих подружек до девятилетнего возраста жила внизу, среди обычных людей. Моя мать, Тира, происходила из старинного рода вайдья⁵, женщины которого занимались ведовством и целительством.

С раннего детства я часто сидела рядом с мамой, когда к ней приходили за помощью. Мама выращивала в палисаднике душистые травы и смешивала аюрведические снадобья. Я часто наблюдала, как она растирает на каменной дощечке гуггул, манжишту или гокхру⁶, чтобы приготовить лекарство. Посетители уходили довольными, в полной уверенности, что к ним вернется любовь, исчезнет опухоль или родится долгожданный ребенок.

Бывало, когда на прием приходила женщина, мама просила служанку увести меня на пару часов из дома. Я заметила, что в таких случаях посетительницы ждали на подушках в задней комнате, испуганные и поникшие. Лишь много позже я поняла: она помогала несчастным прервать нежеланную беременность.

Мой сын, тебе может показаться, что это противоречит воле богов. Но так поступали женщины, у которых уже было

⁵ Вайдья – аюрведический врач.

⁶ Гуггул, манжишту или гокхру – традиционные аюрведические препараты.

по дюжине детей, а то и больше. В те дни в Индии не знали, как не допустить зачатия, а многие бедняки просто не могли прокормить лишний рот.

Мама помогала и при родах. Когда я подросла, она стала приобщать и меня. Впервые увидев, как рождается ребенок, я в ужасе закрыла глаза руками, но постепенно привыкла и стала смотреть на это как на чудо.

Порой мы с мамой выезжали в соседние деревни на низкорослой лошадке, которую отец держал в конюшне за городом. Тогда я начала понимать, что далеко не все дети живут в красивом городе с любящими родителями и едят по нескольку раз в день. Я видела нищету, болезни, голод и страдания и очень рано узнала, что жизнь несправедлива.

Моя мать, как все индусы, верила в приметы; отец даже шутил, что она возвела суеверие на новый уровень. Однажды мы собирались поехать к родственникам, которые жили в двухстах милях от нас, на веселый праздник холи, когда принято осыпать друг друга цветным порошком и к концу дня все с ног до головы покрыты всеми цветами радуги.

Мы вышли из дома и отправились на железнодорожную станцию, чтобы сесть на поезд. Внезапно перед нами пролетела белая сова. Мама остановилась с выражением неподдельного ужаса на лице.

– Надо возвращаться, – сказала она. – Мы никуда не поедем.

Отец, которому очень хотелось навестить родственников

и отпраздновать холи, покачал головой.

– Дорогая, мимо нас просто пролетела красивая птица. Это ничего не значит.

Однако мама развернулась и пошла назад. Несмотря на уговоры отца, она отказалась изменить свое решение. Мы с папой страшно на нее обиделись: пока все наши родственники наслаждаются праздником красок, мы в одиночестве сидим дома. А через день мы узнали, что в том регионе случилось наводнение, и поезд, в котором мы должны были ехать, упал в реку вместе с мостом, не выдержавшим его веса. Погибло больше ста человек.

После этого папа стал относиться к маминым суевериям с большим вниманием. По мере того как я росла, мама учила меня готовить простые снадобья от кашля, простуды и разбитого сердца, наблюдать за лунным календарем. В определенные дни каждого месяца лекарства действовали лучше, чем в другие. Мама говорила, что женщины обязаны своей властью луне, а самая могущественная сила на планете – природа, созданная богами, чтобы дать людям все необходимое для жизни.

– Когда ты услышишь, как поют духи, Анни, – сказала она однажды, укладывая меня в постель, – тогда мы точно узнаем, что тебе передался мой дар.

В тот момент я ничего не поняла и лишь кивнула:

– Да, мамочка.

Для меня не было тайной, что семья матери считает ее

брак мезальянсом. Мама принадлежала к высшей касте и приходилась троюродной сестрой махарани⁷ Джайпура. Хотя, если честно, мне всегда казалось, что все, кого я знаю, приходится друг другу какими-нибудь родственниками. В двухгодичном возрасте маму пообещали в жены зажиточному кузену из Бенгалии, который в шестнадцать лет некстати подхватил малярию и скончался. Пока родители искали ей нового достойного мужа, она встретила на фестивале наваратри⁸ моего отца, и они начали тайно переписываться.

Когда бабушка с дедушкой объявили маме, что нашли ей высокородного пятидесятилетнего мужа, для которого она станет третьей женой, та пригрозила убежать из дома, если ей не разрешат выйти за моего отца, молодого и красивого. На какие только ухищрения не приходилось идти моим родителям, чтобы видеться друг с другом!.. Эти истории стали частью семейного фольклора. В конце концов бабушка с дедушкой неохотно согласились с маминым выбором.

– Я сказал, что не могу дать их дочери рубины, жемчуга и дворец, но она всегда будет купаться в моей любви, – вспоминал отец. – Запомни, дочка, настоящая любовь стоит всех драгоценностей в королевстве махараджи.

Мой папа, Камалеш, был полной маминой противоположностью. Философ, поэт и писатель, верный последователь великого Рабиндраната Тагора, он писал статьи, в которых вы-

⁷ Махарани – высший титул для женщины в Индии; жена махараджи.

⁸ Наваратри – фестиваль девяти ночей, индуистский религиозный праздник.

ражал свои радикальные убеждения, в том числе и по поводу британской колонизации. При этом папа в совершенстве знал английский язык и, несмотря на свои политические взгляды, зарабатывал на жизнь, преподавая его знатым индийцам, чтобы те могли общаться со своими британскими друзьями.

Меня он учил не только английскому, но и другим предметам, от истории до естественных наук. Пока мои сверстницы овладевали искусством вышивки и осваивали молитвы, чтобы найти хорошего мужа, я читала «Происхождение видов» Дарвина и изучала математику. К восьми годам я уверенно сидела на лошади без седла. Отец не делал скидок на возраст и требовал, чтобы я от него не отставала. Я обожала папу, как многие девочки, и старалась ему угодить.

Благодаря таким разным родителям: радикально настроенному отцу, который всегда рассуждал логически, и матери, которая, увидев однажды в спальне летучую мышь, позвала колдуна, изгоняющего злых духов, в моей голове сложилась удивительно противоречивая картина мира. Я впитала многое от обоих, при этом оставаясь собой.

Увидев однажды, как мальчишки избивают бродячую собаку, я в слезах забралась к папе на колени. Он взял меня за подбородок и посмотрел мне в глаза.

– Милая Анни, у тебя отзывчивое сердце, которое бьется громче сотни табла⁹. Как и твой отец, ты не приемлешь

⁹ Табла – индийский ударный музыкальный инструмент.

несправедливости, – сказал он. – Но будь осторожна, дочь, потому что люди – сложные существа, и души у них, как правило, серые, а не черные и не белые. Там, где ты надеешься найти добро, может обнаружиться зло. А там, где ты видишь одно лишь зло, может найтись и добро.

Когда мне было девять лет, отец скоропостижно скончался во время вспышки тифа, которая разразилась в городе в сезон дождей. Не помогли даже мамины снадобья.

– Пришло его время, доченька, – только и сказала она.

Я не понимала, как она может оставаться такой спокойной. Я выла над его бездыханным телом, как безумная, а мама сидела тихая и невозмутимая, в глазах – ни слезинки.

– У каждого свой срок, Анни, ничего не поделаешь, – утешала она меня.

Я билась в истерике и цеплялась за тело отца, когда его поднимали на погребальный костер. Меня еле оттащили. Свами¹⁰ запели мантры и зажгли брикет соломы. Воздух наполнился едким дымом. Я отвернулась и зарылась лицом в мамину юбку.

После папиной смерти мы едва сводили концы с концами, и махарани Джайпура предложила нам жить у нее. Мы с мамой переехали из нашего славного маленького домика в Лунный дворец, в зенану, где жили женщины и дети. В те времена все женщины соблюдали пурду – ни один мужчина, кроме мужа и близких родственников, не мог видеть наших

¹⁰ Свами – монах в индуизме.

лиц. Даже если кто-то из нас заболел, врач ставил диагноз через ширму. Сейчас мне и самой в это не верится, а тогда таков был порядок вещей.

Когда я впервые попала во дворец, мне стоило немалых усилий привыкнуть к постоянному шуму и суете. Дома нам помогали справляться с хозяйством служанка и мальчик-садовник; вечером они уходили, мы закрывали двери и оставались втроем. Жизнь во дворце разительно отличалась от нашего домашнего уклада. Мы жили, ели и спали все вместе. Порой мне не хватало тишины и спокойствия нашего дома, где я могла закрыться в своей комнате и без помех читать книгу.

Однако в такой жизни были и преимущества. Я не испытывала недостатка в подругах – в зенане жило много девочек моего возраста. Всегда находился кто-то, чтобы составить компанию в нарды или подыграть на ви́не, когда я пела.

Мои подружки, дочери местной знати, отличались хорошим воспитанием и манерами. Мне не хватало лишь уроков с папой. Только переступив порог дворца, я поняла, насколько опережал свое время отец, стараясь дать мне образование.

Это он придумал называть меня Анни; мое настоящее имя означало «грациозная», и в глубине души я считала, что оно мне не подходит. Мне легко давалась учеба, и я была превосходной наездницей; типично девичьи увлечения меня не интересовали. В зенане я часто наблюдала, как женщины прихорашиваются и часами вертятся перед зеркалом, выбирая

правильный оттенок корсета к юбке – традиционные сари в провинции Раджастан не носили.

Все принцессы и многие их знатные родственницы были чуть ли не с младенчества обручены с мужчинами, которых выбрали их родители. Я же происходила из высокой касты, но бедной семьи. Отец почти ничего нам не оставил, и у мамы не было денег на приданое. Я не могла считаться удачной партией, и мама тщетно искала в нашем генеалогическом древе подходящего мужа. Меня это не слишком беспокоило: помня папины слова, я хотела найти настоящую любовь. В одиннадцать лет, когда мы прожили во дворце уже год, отцовская наука начала приносить плоды. Махарани выбрала меня в компаньонки для своей старшей дочери, принцессы Джамиры.

Хотя статус компаньонки давал множество привилегий – доступ в части дворца, которые раньше были под запретом, и сопровождение принцессы на различные увлекательные мероприятия, – я не могу назвать это время счастливым. Донельзя избалованная принцесса Джамира отличалась тяжелым характером. Потерпев поражение в игре, она в слезах бежала к матери и жаловалась, что я мошенничаю. Когда я говорила с ней по-английски, как просила махарани, она закрывала уши и не слушала. А если я обгоняла ее на утренней конной прогулке, она выла от обиды и весь день со мной не разговаривала. Мы обе отлично понимали, в чем дело: хоть она и была принцессой, ей не хватало многих моих талантов

и умений. Еще хуже, что, несмотря на мое нежелание прихорашиваться, все замечали мою стройность и хорошее сложение, а Джамира не могла похвастаться ни тем ни другим.

– Мапочка, – плакала я, – Джамира меня ненавидит!

– Да, у нее непростой характер, – утешала мама, – но ты ведь понимаешь, родная, мы не можем ничего сделать. Не скажем же мы махарани, что тебе не нравится ее старшая дочь. Постарайся смириться. Нам оказана большая честь – она выбрала тебя. Когда-нибудь это окупится.

Как всегда, мама оказалась права. В тысяча девятьсот одиннадцатом году все индийские княжества пришли в великое волнение. Годом ранее скончался Эдуард VII, император Индии. Королем стал его сын, Георг V, и в июне в Англии должна была пройти его коронация. А в декабре предстояло устроить дарбар¹¹ в Дели, куда пригласили всех принцев Индии.

Меня включили в свиту махараджи Джайпура в качестве компаньонки принцессы.

Мама не на шутку разволновалась.

– Когда ты родилась, Анни, – сказала она, взяв меня за подбородок и глядя мне в глаза, – я, как принято, попросила астрологов составить твой гороскоп. И знаешь, что там говорилось?

¹¹ Делийский имперский дарбар – название масштабных празднеств, проходивших в делийском Парке коронации в Индии в ознаменование коронации королей и королев Соединенного Королевства. В 1911 году дарбар был единственный раз посещен британским монархом, Георгом V.

– Нет, матаджи, что?

– Что в одиннадцать лет с тобой произойдет что-то необычное. Ты встретишь человека, который изменит всю твою жизнь.

– Надо же, как интересно, – ответила я.

И только сейчас, когда я пишу эти строки, я понимаю, что астрологи были правы.

Невозможно описать словами великолепие и размах имперского дарбара. Когда мы приблизились к Парку коронации на окраине Дели, мне показалось, что там собралась вся Индия.

Мы с Джамирой и младшими принцессами сидели в закрытом паланкине на спине самого огромного слона в процессии махарани и выглядывали в щелочки между занавесями. Пыльные дороги были забиты всевозможными видами транспорта. Всю проезжую часть занимали велосипеды, автомобили, слоны, нагруженные вещами повозки, влекомые блестящими от пота буйволами. В Парк коронации спешили богатые и бедные.

Для каждого махараджи разбивали отдельный лагерь, состоящий из множества шатров – целый город, куда проводили воду и электричество. Когда мы прибыли в свой лагерь, я стала восхищенно разглядывать богатые помещения.

– Здесь есть даже ванна, – удивлялась я современным чудесам.

Джамиру все это не впечатлило, она плохо переносила дорогу.

– Где моя шкатулка для пуджи? – прикрикнула она на горничных, которые распаковывали бесчисленные чемоданы.

– Эти простыни жесткие! – возмутилась она, потрогав

пухлыми пальчиками белье на кровати. – Поменяйте их!

Капризы Джамиры никак не отразились на моем настроении. Я помогла служанкам распаковать вещи принцессы, а когда ее увели в ванную, вышла из шатра. Вокруг нашего лагеря раскинулся чудесный сад, в вечернем небе светились огни огромного парка. Вдалеке взрывались цветные водовороты фейерверков, в воздухе висел едкий запах дыма, смешанный с ароматом благовоний, где-то трубили слоны и раздавались сладкие звуки ситаров.

Меня охватила чистая, ничем не омраченная радость. На нескольких квадратных милях парка среди тысяч людей, собравшихся на дарбар, присутствовали самые почитаемые, могущественные и образованные люди на земле. И среди них – я, Анахита Чаван.

Я подняла взгляд в небеса и обратилась к отцу.

– Я здесь, папа! – радостно сказала я ему.

Нет нужды говорить о том, что такое собрание сильных мира сего не могло обойтись без духа соперничества. Каждый махараджа хотел иметь более пышную свиту, большее количество слонов и лучше обставленные апартаменты, чем его соседи. Каждый старался устроить более роскошный обед или прием. «За рубины, бриллианты, изумруды и жемчуга, украшающие тела великих правителей и их жен, можно купить весь мир», – думала я, помогая Джамире одеваться на первый банкет, устраиваемый ее родителями. Все находилось в состоянии крайнего возбуждения.

– Сегодня вечером к нам придут восемнадцать князей со своими женами, – сообщила мне Джамира, с трудом втискивая пухлую руку в золотой браслет. – Мамочка сказала, что на приеме будет присутствовать отец моего нареченного. Учти, я должна выглядеть как можно лучше.

– Конечно, – согласилась я.

Наконец четыре жены махараджи и старшие родственницы уселись за специальной ширмой, чтобы наблюдать за гостями-мужчинами на приеме перед банкетом. Остальные испустили вздох облегчения, что все отбыли в хорошем настроении, и стали ждать прибытия женщин и детей, которые должны были обедать с нами, отдельно от мужчин.

Вечером шатер наполнился женщинами и их отпрысками. Наши махарани приветствовали жен других махараджей. Мне, одиннадцатилетней, эти женщины казались сказочными феями: умащенные маслами и благовониями, разрисованные хной, украшенные жемчугами размером с куриное яйцо, в сверкающих головных уборах, инкрустированных рубинами и изумрудами, с бриллиантовыми клипсами в носу. Не меньше украшений сверкало и на детях – малышки трех лет от роду были увешаны неопишимо красивыми браслетами из чистого золота, ожерельями и кольцами.

Помню, что все это произвело на меня огромное впечатление и в то же время выбило из колеи. Невообразимая роскошь, принимаемая ее носителями как должное, спокойно уживалась с бедностью и лишениями, от которых страдали

миллионы простых людей.

И все-таки я не могла удержаться от восхищения.

Именно в тот день начали сбываться предсказания астрологов. Люди редко замечают судьбоносные моменты, которые преподносит им жизнь.

Я тихо сидела в укромном уголке, рассматривая окружающее меня великолепие. В конце концов мне стало скучно и душно, я встала и прошла к выходу, чтобы глотнуть воздуха. Откинув полог, подняла взгляд в небо и почувствовала легкое дуновение ветерка.

Вглядываясь в бесконечность звезд, я вдруг услышала за спиной звонкий голос.

– Тебе скучно?

Передо мной стояла девочка примерно моего возраста, с густыми волнистыми волосами. По многочисленным ниткам жемчуга на шее и сверкающему драгоценными камнями головному убору я поняла, что она принадлежит к богатому и знатному роду.

– Нет, ни капельки, – поспешно ответила я.

– А вот и скучно! Я вижу, потому что сама умираю от скуки.

Я с трудом заставила себя посмотреть ей в глаза. Несколько секунд мы играли в гляделки, пытаюсь понять, кто на что способен.

– Пойдем погуляем! – предложила незнакомка.

– Что ты, нельзя уходить отсюда, – испуганно ответила я.

– Почему? Здесь столько народу, никто и не заметит, что мы вышли. – Ее огромные карие глаза, отливающие янтарем, испытующе посмотрели на меня.

Я сделала глубокий вдох, с ужасом представляя, что будет, если обнаружится мое отсутствие, и, к своему удивлению, кивнула.

– Нужно держаться в темноте, не то нас заметят, – прошептала моя новая подруга. – Пошли.

И протянула мне руку с длинными тонкими пальцами. В ее глазах горели озорные искорки.

– Смотри, – показала она, – там обедают все махараджи. Вокруг центрального шатра стояли тысячи свечей в стеклянных канделябрах, освещающие экзотический сад.

Девочка повела меня по мягкой траве, щекочущей босые ноги. Она явно знала, куда идет, и скоро мы оказались перед огромным шатром. Пройдя в темноте вдоль стены, она опустилась на колени, подняла тяжелый холст, наклонилась и заглянула в крошечный зазор.

– Пожалуйста, будь осторожна, тебя могут увидеть, – попросила я.

– Никто никогда не смотрит вниз, – хихикнула девочка, поднимая холст еще выше. – Иди сюда, я покажу тебе моего папу. Он самый красивый из всех махараджей.

Я тоже встала на коленки, приподняла плотную ткань и заглянула в дырочку, но увидела только лес мужских ног. Не желая огорчать свою новую подругу, я сказала:

– Да, невероятно впечатляющее зрелище.

– Мой папа вон там, слева.

– Ага, вижу, – сказала я, обозревая длинный ряд мужских лодыжек.

– Я думаю, он красивее твоего, – блеснула глазами девочка.

Я поняла: она думает, что я тоже принцесса, дочь махараджи Джайпура.

– Моего отца здесь нет, он умер.

Она сочувственно положила свою теплую руку на мою.

– Мне очень жаль.

– Спасибо.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Меня зовут Анахита, но все называют Анни.

– А меня – Индира, но все называют Инди. – Девочка с улыбкой легла на живот и подперла голову руками. – А как же ты сюда попала? – Она пытливо вглядывалась мне в лицо своими тигриными глазами. – Ты красивее остальных принцесс из Джайпура.

– Я не принцесса. Моя мама – троюродная сестра махарани Джайпура. Два года назад папа умер, и мы живем в Лунном дворце.

– А я, к несчастью, принцесса. – Она презрительно подняла брови. – Младшая дочь махараджи Куч-Бихара.

– Тебе не нравится быть принцессой? – поинтересовалась я.

– Вообще-то, нет. – Инди грациозно перевернулась на спину, положила руки под голову и обратила взгляд к звездам. – Я бы лучше стала укротительницей тигров в цирке.

Я хихикнула.

– Не смейся, я серьезно. Мама говорит, что я очень плохая принцесса. Я вечно пачкаю одежду и попадаю в неприятности. Она подумывает отправить меня в английский пансион поучиться манерам, только я сказала, что убегу оттуда.

– Почему? Я бы хотела побывать в Англии. Я никогда не путешествовала, – мечтательно сказала я.

– Везет тебе, а мы только и делаем, что куда-то едем. Мама очень общительная и всюду тащит нас с собой – то на сезон в Европу, то еще куда-нибудь. Я бы хотела просто жить в нашем чудесном дворце и присматривать за животными. Если не получится стать укротительницей тигров, стану погонщицей слонов. А в Англии – тоска. Серо, холодно и вечная сырость. Все в нашей семье постоянно простужаются, особенно папочка, – вздохнула Индира. – Я жутко беспокоюсь о его здоровье... А ты говоришь по-английски? – неожиданно спросила она.

Я уже начала понимать, что ее живой ум перелетает с предмета на предмет, подобно мотыльку.

– Да, – ответила я по-английски.

Индира села на колени и чинно протянула мне руку.

– Как поживаете? – церемонно спросила она, в совершенстве спародировав чеканное оксфордское произношение. –

Ужасно рада с вами познакомиться.

Наши руки встретились.

– Я тоже рада, – ответила я, продолжая тряссти ее руку. Мы повалились в траву, корчась от смеха. Когда мы немного успокоились, я поняла, что пора возвращаться в зенану, пока меня не хватились, и встала.

– Ты куда? – спросила Инди.

– Обратно в шатер. Нам обеим влетит, если кто-то узнает, что мы выходили.

– Подумаешь, – беспечно ответила Индира, – мне всегда влетает. Полагаю, они уже поняли, что принцессы из меня не получится.

Я хотела сказать, что меня так легко не простят, поскольку я не принцесса и должна отрабатывать свой хлеб.

– Еще пять минуточек! – попросила она. – В шатре такая тоска... – И тут же задала новый вопрос. – А за кого ты выйдешь замуж?

– Я еще не помолвлена, – честно ответила я.

– Везет тебе! Я впервые увидела своего будущего мужа пару дней назад. Он старый и безобразный.

– И ты все равно выйдешь за него?

– Ни в коем случае! Я найду красивого принца, который будет любить меня и обязательно разрешит держать тигров.

– Я бы тоже хотела найти своего принца, – согласилась я.

Мы лежали на траве, две маленькие девочки, глядя на звезды и мечтая каждая о своем принце. Людям всегда хо-

чется знать, что ждет их в будущем, но, вспоминая первую встречу с Индирой, когда мы были такими юными и беспечными и впереди у нас была целая жизнь, я радуюсь, что мы не знали.

Празднества в Парке коронации продолжались три недели, за которые мы с Индирой стали неразлучны. Не понимаю, как моя подруга ухитрилась улизнуть из дома, но она всегда ждала меня в условленном месте. Лагерь стал нашей детской площадкой, садом удовольствий для двух пытливых душ.

На лотках продавалось множество соблазнительных вещей – панипури, румяные самосы с острыми овощами, зажаренные в масле, а в сувенирных магазинчиках – всевозможные статуэтки из глины и дерева. Индира, у которой всегда водились денежки, подарила мне глиняную фигурку тигра, которым я особенно восхищалась.

– Когда меня не будет рядом, просто посмотри в глаза этому тигру и вспомни, что я думаю о тебе, – сказала она.

На мое счастье, принцесса Джамира была частенько занята своими делами, вроде официальных визитов к другим махараджам с родителями, и в таких случаях мое присутствие не требовалось. Я спросила Индиру, почему она не посещает подобные мероприятия со своей семьей.

– Ну, я ведь младшая дочь, – беззаботно ответила она, – и мной никто не интересуется.

Это было не совсем так, потому что иногда она все-таки не могла встретиться со мной, а потом жаловалась, что пришлось несколько часов просидеть в душном шатре, пока

родители общались с друзьями. Однако мы виделись почти каждый день.

Однажды утром, когда праздники подходили к концу и я с ужасом думала о скором возвращении в Лунный дворец, Индира примчалась на место встречи с горящими глазами.

– Пойдем скорей! – воскликнула она и потянула меня за собой.

– Куда? – спросила я.

– Увидишь.

Через пару минут мы подошли к лагерю махараджи Куч-Бихара – раньше Индира показывала мне резиденцию своего отца лишь издалека.

– Первое и самое важное, – сказала она, – я познакомлю тебя со своей любимой слонихой. Она еще совсем маленькая, ей только два года. Ее не хотели брать на дарбар, потому что она не умеет ходить в процессии, но я упростила. Она бы не выжила без меня и своей мамы.

Когда мы вошли в слоновник, мне в нос ударил резкий запах. «Здесь, наверное, не меньше сорока слонов», – подумала я, следуя за Индирой, которая здоровалась с животными, называя их по имени. В последнем стойле я увидела маленького слоненка. Услышав наши шаги, он издал приветственный клич.

– Как ты тут, малышка? – ласково спросила Индира.

Слоненок обнял ее хоботом за талию. Индира взяла несколько бананов из связки и протянула детенышу.

– Дитти, погонщик слонов, разрешил мне выбрать для нее имя, – пояснила она. – Я решила назвать ее Примой, что по-латыни означает «первая», потому что это первый слоненок, чьи роды я увидела. А теперь я называю ее Притти. Правда, она хорошенькая?

Посмотрев в добрые, доверчивые глаза животного, я почувствовала странный укол ревности.

– Да, очень славная.

К нам подошел сухопарый старик-индус с орехово-коричневой кожей.

– Дитти, моя подопечная хорошо себя ведет?

– Да, ваше королевское высочество, и все же она будет рада вернуться домой.

– Мы тоже, – заметила Индира.

Пожилой погонщик уважительно наклонил голову, и мы вышли из загона. Я впервые наблюдала, что к моей подружке относятся как к принцессе. На меня нахлынуло отчаяние. Девочка, с которой я болтала, играла и смеялась, как с сестрой, принадлежит к совершенно иному кругу и скоро вернется в свой далекий мир.

Я быстро заморгала, чтобы удержать закипающие в глазах слезы. Индира стала центром моей вселенной, а я впервые осознала, что не являюсь центром ее мира. Эти несколько недель я была для нее всего лишь развлечением. Она улетит, словно бабочка, порхающая с цветка на цветок.

Я старалась не расстраиваться и быть благодарной судь-

бе за время, проведенное вместе. В детские годы мама часто укоряла меня во внезапных приступах меланхолии, говоря, что я могу почувствовать себя несчастной из-за любой мелочи.

– Ты владеешь даром счастья, однако легко впадаешь в отчаяние, – говорила она.

– Пойдем скорее, я тебя еще кое с кем познакомлю, – сказала Индира.

Я с трудом отогнала грустные воспоминания и улыбнулась:

– Что на этот раз: животное, камень или человек?

Мы часто играли в такую игру, и подруга улыбнулась в ответ:

– Конечно, человек. Я познакомлю тебя с мамой.

При этих словах мое сердце забилося быстрее. Еще в Джайпуре я много слышала о прекрасной Айеше, махарани Куч-Бихара. Джамира и ее мать язвительно замечали, что та считает себя выше других только потому, что встречалась в Букингемском дворце с самой королевой Викторией, императрицей Индии.

– В Европе она говорит по-английски и носит западную одежду! – восклицала мать Джамиры. – Но одежда от французских дизайнеров и драгоценности, которыми осыпает ее муж, не делают ее лучшей индийской женой!

Я понимала, откуда взялась такая неприязнь. Несколько дней назад отец Джамиры побывал на неофициальном при-

еме у махараджи Куч-Бихара и по возвращении домой объявил, что в жизни не видел такой красавицы, как тамошняя махарани.

Женскую зависть вызывают чаще всего не ум, положение в обществе или количество драгоценностей в сейфе. Нет, больше всего женщины завидуют способности очаровывать мужчин.

– Мам, ты где? – крикнула Индира, когда мы вошли на женскую половину.

– Здесь, доченька, – ответил ласковый голос.

Индира протащила меня через какие-то шатры на симпатичную веранду, закрытую от солнца фиалковыми деревьями. Посреди дворика журчал фонтан.

– Я привела свою подругу Анни. Можно, мы зайдем поздороваться?

– Конечно, я как раз заканчиваю завтрак.

Мама Индиры полулежала на груди шелковых подушек. Она встала, подошла к нам и обняла дочь. Само по себе это было необычно: у нас в зенане полагалось в присутствии махарани склоняться в глубоком поклоне, пока она не разрешит встать.

– И где же ты была, непослушная девчонка? – с улыбкой спросила махарани.

Пока они обнимались, я во все глаза рассматривала женщину, о которой слышала столько сплетен. Она не сгибалась под тяжестью драгоценностей и не злоупотребляла космети-

кой. Стройную фигуру обтягивало простое шелковое платье, а длинные волнистые волосы свободно падали на плечи.

Она перевела на меня огромные янтарные глаза – точь-в-точь как у Индиры – и посмотрела оценивающим взглядом. Я была полностью согласна с отцом Джамиры: такой красивой женщины я никогда не видела.

– Я всего лишь показала Анни малышку Притти, – ответила Индира.

Махарани улыбнулась и поцеловала дочь в макушку.

– Ну, тогда познакомь меня со своей новой подругой.

– Анни, это моя мама, Айеша. Мам, это моя подруга Анахита Чаван.

– Здравствуй, Анахита. – Махарани тепло улыбнулась мне идеально очерченными губами.

От избытка чувств я покраснела до корней волос и лишилась дара речи, но в конце концов сложила руки, наклонила голову и заставила себя произнести:

– Для меня большая честь встретиться с вами.

– Посидите со мной, девочки. Хотите чаю?

Айеша подвела нас к подушкам и предложила сесть по обе стороны от нее. Я сомневалась, что можно так делать – у нас в зенане махарани полагалось сидеть выше подданных, – и все же последовала примеру Индиры.

Айеша хлопнула в ладоши, и на веранде немедленно появилась служанка.

– Чай, – приказала мама Индиры.

Девушка поклонилась и скрылась в шатре.

– Знаешь, Анахита, – обратилась ко мне Айеша, – Индира в последние дни только о тебе и говорит. Ты действительно свободно владеешь английским языком? Где ты его изучала?

– Меня папа научил, ваше высочество, он был учителем, – несмело ответила я.

– Тебе повезло. Образование – великий дар. К несчастью, многие в нашей стране до сих пор считают, что не стоит забивать девочкам головы лишними знаниями. Может быть, ты научишь мою дочь дисциплине, когда речь идет об уроках? – добавила она, любовно взъерошив Индире волосы. – Инди умная девочка, даже умнее своих братьев, ей бы еще терпения и усидчивости.

– Ты ведь знаешь, мам, я хочу быть укротительницей тигров, а не профессором, – надула губы Индира.

Я вновь поразились искренности и открытости между матерью и дочерью.

– Ты живешь в Лунном дворце в Джайпуре? – продолжала махарани.

– Да.

– Джайпур – красивый город, – улыбнулась она.

Принесли чай, и я осторожно отхлебнула душистый напиток, не в силах поверить, что сижу рядом со знаменитой махарани Куч-Бихара.

– Знаешь, мам, – объявила неожиданно Индира, – я не могу оставить свою лучшую подругу, когда мы уедем отсюда.

Я хочу, чтобы она поехала с нами и жила у нас во дворце.

Я вновь покраснела и опустила голову.

– Понятно. – Махарани подняла бровь и обернулась ко мне. – Индира обсуждала это с тобой, Анахита?

– Э-э... нет, ваше высочество, – пробормотала я.

– По-твоему, Анахита должна бросить свою семью, дом и друзей, чтобы жить с нами? Ты снова проявляешь эгоизм, Индира. Я приношу извинения за свою дочь, Анахита: порой она сначала говорит, а потом думает.

– Мам, мне так одиноко во дворце, пока братья и сестра учатся в своих школах! И ты ведь сама сказала, что Анни заставит меня заглядывать в книжки и поможет с английским, – упрашивала Индира. – Она сейчас делает все это для принцессы Джамиры.

– Тогда тем более нельзя, ведь ты понимаешь, что бедная принцесса Джамира будет скучать по Анахите. Ты не можешь похитить человека, даже если тебе очень хочется, милая моя Индира.

Я уже открыла рот, желая сказать, что с радостью соглашусь быть похищенной, но язык застрял в горле, и я сидела молча, пока махарани упрекала свою дочь в эгоизме.

– Мам, ты не понимаешь, я не могу без Анни! Если она не поедет с нами, я просто зачахну.

– Тогда мы попросим Анни приехать к нам в гости, – утешила дочь махарани. – Можно я тоже буду называть тебя Анни? – обратилась она ко мне.

– Конечно, ваше высочество, – торопливо ответила я. – И я бы очень хотела приехать к вам в гости.

– Значит, мы все устроим. А сейчас мне пора одеваться. У нас завтрак с вице-королем.

Махарани поднялась, я тоже вскочила на ноги.

– Приятно было познакомиться, Анни. Надеюсь, скоро ты нас навестишь, – улыбнулась она.

Индира тоже была приглашена на завтрак, поэтому я поплелась домой сама, ругая себя за стеснительность. Надо было признаться, что ради Индиры я согласна переехать хоть на Луну.

Праздники подходили к концу, и мы с Инди виделись все реже. Рабочим предстояло разобрать лагерь, а нам – складывать вещи и готовиться к путешествию домой.

– Что с тобой? – спросила у меня Джамира. – Ты как кошка, которой наступили на хвост. Не понравился праздник?

– Понравился, – ответила я.

– Так скажи мне спасибо, что попала сюда.

– Спасибо.

Принцесса надула губы и отвернулась. Я понимала, что выказываю значительно меньше благодарности и почтения, чем требуется, но меня это перестало беспокоить. Общаясь с Индирой и ее мамой, я чувствовала, что мне рады, меня ценят и уважают. Это было необычно и очень приятно.

В последний вечер в Дели я улеглась в постель в нашей

с Джамирой комнате, глотая слезы. Мы уезжали рано утром, и я знала, что не смогу попрощаться с Индирой. Мы даже не успели обменяться адресами; вряд ли до нее дойдет письмо, адресованное «принцессе Индире, дворец Куч-Бихар».

Кроме того, горько думала я, она вернется к своей роскошной жизни и наверняка забудет меня. Так я и уснула в слезах под храп Джамиры.

Меня разбудил громкий шепот.

– Анни, проснись!

Открыв глаза, я поняла, что это не сон.

– Как ты сюда попала?

Индира приложила палец к губам и потянула меня за руку. В белых ночнушках, словно два привидения, мы пробежали по спящему лагерю и остановились между двумя шатрами, вдали от людских глаз.

– Я пришла попрощаться.

У меня сразу пропали ужасные мысли, что она меня забудет. Индира бежала ночью через весь лагерь, чтобы попрощаться со мной, и мне стало стыдно, что я в ней усомнилась. Глаза вновь наполнились слезами. Я протянула руки, и Инди бросилась в мои объятия.

– Я буду скучать по тебе, – плакала я ей в плечо.

– Я тоже, – отвечала она. – Не беспокойся, милая Анни, я найду способ сделать так, чтобы ты приехала в Куч-Бихар и мы уже никогда не расставались.

– Так не бывает...

– Не волнуйся, все бывает. Ладно, я пошла, пока меня не хватились. – Инди сняла с себя золотой кулон с Ганешей¹² и надела мне на шею. – Чтобы ты меня не забывала. Прощай, сестренка, я люблю тебя. Скоро мы будем вместе, обещаю.

Блеснув глазами, чудесное видение исчезло в ночи.

По дороге домой, в Джайпур, моя рука постоянно тянулась к кулону, спрятанному под платьем. Я не осмеливалась показать украшение Джамире – она подумала бы, что я его украла.

Вернувшись в Лунный дворец, все, кроме меня, быстро привыкли к обычной жизни, а я не могла, как ни старалась. Мысли постоянно возвращались к обещанию Индиры. Что же она придумает?

Прошло несколько недель нового, тысяча девятьсот двенадцатого года, а подруга все не давала о себе знать. Я тщетно вглядывалась в глаза глиняного тигра, мысленно умоляя ее вспомнить обо мне.

В конце января, когда я уже начала терять надежду, за мной послала мать Джамиры. Мама усердно вымыла мне лицо, чуть не содрав кожу, и тщательно причесала волосы.

– Пойдем, тебя хочет видеть махарани! Надо хорошо выглядеть.

Нас провели в покои, и я склонилась в низком поклоне.

– Садись, дитя. И ты, Тира, садись.

Мы сели перед ней на пол, скрестив ноги.

¹² Ганеша – индийский бог Изобилия с головой слона.

– Сегодня утром я получила письмо от Айеши, махарани Куч-Бихара. Она пишет, что ее дочь Индира подружилась с тобой, Анахита, на дарбаре. Это правда?

Я не знала, как ей ответить. Вдруг она расценит мою дружбу с другой принцессой как пренебрежение к собственной дочери? Я пыталась понять, что думает махарани, но ее лицо, как всегда, не выдавало никаких чувств.

Пришлось сказать правду.

– Да, ваше высочество.

– Она пишет, что принцесса Индира заболела и отказывается от еды, пока ты не приедешь. Говорит, что девочка совсем плоха.

Я не понимала, верит ли в это сама махарани.

– Она серьезно больна? – взволнованно спросила я.

– Настолько серьезно, что ее мать просит немедленно отпустить тебя к ним в Куч-Бихар.

Я повернулась к маме, но ее лицо тоже не выражало никаких эмоций.

– Что ты об этом думаешь? – спросила у меня махарани.

Я постаралась принять серьезный и обеспокоенный вид. Неуместно было показывать ей, что искра, тлеющая в моей душе, вспыхнула ярким пламенем.

– Я почти за честь помочь принцессе Индире, если нужна ей, – ответила я, низко наклонив голову, чтобы мамы не заметили радости, вспыхнувшей в моих глазах.

– А ты что скажешь, Тира? Ты согласна на много недель

отпустить свою дочь в чужой город?

Мама отлично понимала, что творится в моей душе. Она кивнула:

– Как и Анахита, я почту за честь выполнить просьбу ее высочества.

– Я уже говорила с Джамирой, она тоже считает, что Анахите нужно ехать, – добавила махарани.

Я едва удержалась, чтобы не поднять голову и не возблагодарить небеса. Неудивительно, что Джамира не стала препятствовать моему отъезду: ей хотелось иметь более уступчивую компаньонку.

– Что ж, раз все согласны, готовься к поездке, Анахита.

– Благодарю, ваше высочество, – ответила я, почтительно склонив голову, но не смогла удержаться от вопроса. – А когда я поеду?

– Я дам вам знать, – ответила махарани.

Мы с мамой, пятясь, вышли из комнаты. Как только мы оказались наедине, мама обняла меня, затем взяла за подбородок и посмотрела в глаза.

– Ты этого хочешь?

– Больше всего на свете, мамочка.

Вот так, дитя мое, началась новая страница моей жизни. Мама Индиры прислала адъютанта, который сопровождал меня в пути. Выйдя из поезда на однопутной железной дороге, связывающей далекий Куч-Бихар с другими княжествами, я увидела на горизонте острые очертания Гималайских гор. Носильщик помог отнести старый отцовский чемодан в присланную за мной тонгу.

До отъезда из Джайпура я прочитала все, что смогла найти, о далекой северо-восточной провинции, где жила Индира. Тому, кто никогда не бывал в моей стране, сложно представить, какая она разная. Индия – страна контрастов, в каждом княжестве живут совершенно не похожие друг на друга народы со своим языком и самобытной культурой.

Как только я села в тонгу, одежда прилипла к телу. Жаркий и влажный климат Куч-Бихара разительно отличался от иссушающего зноя Джайпура.

Проезжая через город, я заметила, что жилища здесь совсем простые, сделанные из бамбука и тростника, а крыши увиты гибискусом. Здания строили на сваях, чтобы спасти от мощных наводнений. Никто здесь не выбрасывал деньги на каменные хоромы, как в Джайпуре, рассчитанные на двести-триста лет. Жители Куч-Бихара привыкли к наводнениям и землетрясениям, которые могут в считанные минуты

смести их дома с лица земли.

Лошадь неспешно цокала копытами по пыльной дороге, и я изнывала от нетерпения. Дворец показался, когда мы выехали из города: два гигантских крыла с огромным куполом посередине. По обе стороны дороги раскинулся парк с ухоженными изумрудными газонами, а во всю длину дворца простиралось озеро. Из слоновника раздавались трубные крики.

Даже тогда я отметила, что это монументальное сооружение не похоже на традиционный образчик индийской архитектуры, а впоследствии я выяснила, что дворец Куч-Бихар спроектирован по образцу английского поместья. Из-за гладких стен и отсутствия типичных для Индии кружевных орнаментов он выглядел слишком строгим по сравнению с затейливо украшенным Лунным дворцом в Джайпуре.

Меня всегда поражал контраст атмосферы снаружи и внутри индийских дворцов. Постороннему наблюдателю они кажутся необитаемыми, потому что вся жизнь сосредоточена внутри, во множестве затененных двориков, защищающих обитателей от жаркого индийского солнца. Сейчас, когда я пишу эти строки, мне приходит в голову, что их можно сравнить с людьми: гладкая поверхность кожи не выдает живости духа, скрывающегося внутри.

Именно так встретил меня Куч-Бихар: когда тонга остановилась и передо мной открыли дверь, я осознала, что не видела ни единой души с тех пор, как мы въехали в парк.

Кучер снял с повозки мой тощий чемодан, и я услышала за спиной голос:

– Сюрприз!

Индира прыгнула сзади мне на шею и обвила ее худыми руками.

– Ой! – закричала я: прядь моих волос попала в ее браслет.

Она сразу же отстранилась и развернула меня к себе.

– Ты приехала! Я же говорила, что мы встретимся!

– Да, приехала, – смущенно ответила я, чувствуя усталость после долгой дороги и неловкость – мы очень давно не виделись.

Я немедленно начала искать в облике подруги признаки болезни, которую так живо описывала ее мать. Но глаза Индиры блестели, густые черные волосы отливали синью, а гибкая фигурка была не тоньше, чем в нашу последнюю встречу.

– Я думала, ты чуть ли не при смерти, – укорила я ее. – Даже спать не могла, волновалась.

Она поставила руки на бедра и закатила глаза.

– Ну да, я болела. Не ела ничего целый месяц. Мама без конца вызывала врачей, чтобы выяснить, что со мной не так. Они решили, что я сохну по чему-то. Или по кому-то. А в один прекрасный день мама согласилась, что ты должна приехать, и я сразу же встала с постели и захотела есть. Ну, разве не чудо? – Индира возвела руки к небесам. – С тех пор у меня просто зверский аппетит.

Взглянув мне в лицо, она посерьезнела:

– Я ужасно скучала по тебе, Анни. Я бы точно умерла, если бы ты не приехала.

Меня поразило, что она пошла на такую уловку ради моего приезда. Я никогда не отличалась излишней доверчивостью, тем более – к особам королевской крови и принцессам, и мои чувства, очевидно, были написаны у меня на лице.

– Анни, ты сомневалась во мне?

Я молча опустила голову, а затем взяла ее руки в свои и крепко сжала.

– Да, и мне очень стыдно. Больше никогда не буду.

Первый месяц во дворце Куч-Бихара был полон удивительных открытий. Весь жизненный уклад там резко отличался от Джайпура. Женщины у нас в зенане частенько судачили, что махарани Куч-Бихара не соблюдает индуистские традиции. Мало того что Айеша не придерживалась пурды в дворцовых стенах, так она еще и путешествовала вместе с мужем и детьми по всему миру. По строгим канонам индуизма, королевская семья нарушала тем самым законы касты.

Джайпурские дамы также неодобрительно замечали, что махарани ведет западный образ жизни и постоянно приглашает во дворец иностранцев, в том числе европейских аристократов и американских актеров. Слушая бесконечные упреки, я хмуρο кивала. Они не знали, что их рассказы не приводят меня в ужас, а напротив, восхищают.

Как я вскоре поняла, они говорили правду. Махарани вела

дом в современной манере. Каждое утро мы с Индирой вставали ни свет ни заря и отправлялись на конюшню, где нас ждали оседланные лошади. Сначала мне было трудно состязаться с Индирой – прекрасной наездницей. Летя на безумной скорости через парк, смеясь и крича от восторга, я чувствовала себя живой, свободной и, как никогда, счастливой.

Мне удалось обогнать Инди лишь через пару недель, и когда это случилось, она радовалась моему триумфу не меньше меня самой.

После завтрака в будни мы шли в большую комнату, где с нами занимался частный преподаватель. Непоседливая Индира не могла сосредоточиться на уроках, и мне стоило немалого труда убедить ее позаниматься. Она мечтательно смотрела в окно, дожидаясь, когда ее выпустят на волю и она сможет навестить свою драгоценную Притти, покататься у нее на спине или поиграть в теннис на прекрасно оборудованном корте.

Что касается меня, то я радовалась возможности продолжить образование. Наш учитель, профессор из Англии, поощрял мою любовь к книгам. Мы с ним, что называется, нашли друг друга. Мой словарный запас заметно увеличился, и я старалась, как просила махарани, как можно больше говорить с Индирой по-английски.

Айеша также наняла для своей младшей дочери английскую гувернантку. Мягкая и добросердечная мисс Рид очень старалась, однако быстро потеряла надежду превратить свою

неугомонную подопечную в настоящую леди. Индира частенько игнорировала ее просьбы не опаздывать на завтрак или посидеть тихонько с книгой. Как только мисс Рид поворачивалась спиной, моя подруга задорно подмигивала мне, и мы отправлялись на поиски приключений.

Одним из моих любимых мест во дворце была обширная библиотека с прекрасным собранием книг лучших писателей мира. Правда, стеклянные шкафы с книгами были всегда закрыты. Они служили всего лишь украшением, и я сомневалась, что кто-нибудь хоть раз держал в руках один из этих томов. Я часто рассматривала полки, мечтая взять книгу. Приходилось довольствоваться потрепанными экземплярами «Грозового перевала», «Оливера Твиста» и «Гамлета», которые привез из Англии наш ментор. В тихие послеобеденные часы я снова и снова перечитывала эти замечательные произведения.

Во второй половине дня мы с Индирой обычно шли отдыхать в красивую просторную спальню. Я лежала на кровати, рассматривая лазурно-голубые стены, вручную разрисованные гималайскими маргаритками, и страстно благодарила богов за то, что попала в такое чудесное место. Индира, тратившая из-за своей импульсивности слишком много нервной энергии, мгновенно засыпала, а я долго прокручивала в памяти события дня.

С наступлением темноты дворец оживал. Я обожала это время, да и все остальные с нетерпением ждали вечера. К

ужину собиралось множество гостей со всех концов света. Мы с Индирой наблюдали, как слуги накрывают стол в гигантской столовой, расставляя тарелки из чистого золота, ножи и вилки, инкрустированные драгоценными камнями, и огромные вазы с чудесными цветами. В воздухе витал аромат благовоний – слуга проносил через комнаты серебряную курительницу.

В первый же вечер во дворце я столкнулась со странным ритуалом, несказанно меня удивившим.

– Мы будем смотреть, как твоя мама одевается и готовится к вечеру? – переспросила я. – Зачем?

– Не знаю, – пожала плечами Индира. – Просто она хочет, чтобы мы все собрались у нее.

Как можно одеваться в присутствии кучи людей? – недоумевала я, проходя через зал для приемов с купольным потолком и таким высоким входом, что туда мог въехать махараджа на огромном слоне.

Когда мы вошли в личные покои махарани, я не поверила своим глазам, столько народу толпилось в будуаре: служанки, родственницы, гости, дети. Посреди всей этой суеты восседала за роскошным туалетным столиком сама махарани.

Индира провела меня прямо к матери.

– Мамочка, Анни приехала! – радостно воскликнула она.

– Я вижу, – улыбнулась Айеша, – и полагаю, милая Индира, что теперь к тебе окончательно вернутся сон и аппетит.

Мы обменялись понимающими взглядами.

– Добро пожаловать, Анни. Надеюсь, тебе у нас понравится.

– Спасибо, – ответила я, – несколько в этом не сомневаюсь.

Признаться, в тот первый вечер я почти не слышала, что она говорит. Я, как зачарованная, смотрела на лицо с подведенными черным глазами и губами, приобретающими красный цвет, по мере того как Айеша проводила по ним кисточкой. Воздух наполнял аромат ее любимых французских духов. Махарани одновременно приводила себя в порядок и поддерживала светскую беседу, свободно переходя с хинди на английский или бенгальский, в зависимости от того, к кому обращалась.

– Пойдем, – сказала Индира, – я покажу тебе остальные мамины комнаты.

Она потащила меня в роскошную дамскую комнату с настоящей ванной в западном стиле, где из серебристых крапов расточительно лилась проточная вода, а затем в бело-золотую спальню с высоким потолком и огромной мраморной кроватью. Вдоль комнаты тянулась тенистая веранда, выходящая во дворик, где росли фиалковые деревья, гибискус и жасмин.

Мой сын, если когда-нибудь на свете существовала настоящая сказочная королева – молодая, красивая и добрая, живущая в прекрасном дворце, то это Айеша, махарани Куч-Бихара. Как и все, кто ее знал, я попала под очарование этой

удивительной женщины.

Позже, когда махарани – сногшибательно красивая в изысканном изумрудном сари – подготовилась к встрече с гостями, мы с Индирой вернулись к себе. Мисс Рид с трудом заставила нас надеть ночные рубашки и улечься в постели.

– Правда же, моя мама – самая красивая на свете? – спросила Индира.

– Да, правда, – не колеблясь, ответила я.

– А самое главное, – сонно зевнула подруга, – что мамочка с папочкой без ума друг от друга. Папа обожает маму. И он самый красивый мужчина на свете. Скоро ты его увидишь. – Она протянула мне руку в темноте. – Доброй ночи, милая Анни. Я так рада, что ты приехала.

Однажды утром, получив письмо от мамы, я с удивлением осознала, что живу в Куч-Бихаре без малого два месяца. Первоначально мы договаривались, что я пробуду в гостях всего пару недель. Мне стыдно об этом говорить, но я с таким удовольствием погрузилась в новую жизнь, что потеряла счет дням. В письме мама спрашивала, когда я вернусь. При мысли, что я здесь только временно, я застыла как громом пораженная.

Мы с Индирой понимали друг друга без слов, и она сразу же заметила, что со мной что-то происходит.

– Что случилось?

Я опустила глаза в письмо:

– Мама спрашивает, когда я вернусь.

– Куда? – удивилась Индира.

– В Джайпур, куда же еще.

– Ты не можешь взять и уехать, – заявила она. – Ты теперь живешь у нас. Пусть твоя мама приедет в гости.

– Сомневаюсь, что она захочет ехать в такую даль.

– Я поговорю с мамочкой, она что-нибудь придумает.

У меня сердце ушло в пятки, когда Индира помчалась разыскивать свою маму. А вдруг махарани из-за занятости просто не заметила, что я еще здесь? Что, если – я содрогнулась от ужаса – меня навсегда отправят в Джайпур?

Вернувшаяся через полчаса Индира удовлетворенно кивнула:

– Не волнуйся, Анни. Мама все устроит.

В тот вечер, когда мы все собрались у махарани в будуаре, Айеша подозвала меня к себе.

– Индира говорит, что твоя мама скучает и хочет тебя видеть.

– Да, так она написала в письме, – взволнованно ответила я.

– Я ее прекрасно понимаю. Любая мать хочет быть ближе к своему ребенку. Мы пригласим ее в гости.

Я почтительно поклонилась.

– Благодарю вас, ваше высочество.

На самом деле мне хотелось ее обнять и расцеловать.

– Я сегодня же напишу твоей маме. Нам с ней все равно нужно кое-что обсудить.

С моей души словно камень свалился: она не собирается отправлять меня домой.

Через несколько дней махарани появилась на пороге нашей комнаты.

– Пойдем со мной, Анни. – Она указала на дверь, выходящую на веранду.

– А можно мне с вами? – жалобно спросила Индира.

– Нет, – твердо ответила ее мать.

Мы сели на скамью в тени деревьев. Махарани была потрясающе красива даже в простой тунике и брюках, которые

носила дома в отсутствие гостей.

– Анни, я хочу поговорить с тобой без Индиры.

– Да, ваше высочество.

– Тебе у нас нравится?

– О да, ваше высочество.

– Ты хочешь жить здесь и дальше?

– Да, если можно! Мне очень нравится!

Мой тон не оставлял никаких сомнений в искренности ответа.

Махарани посмотрела вдаль.

– Наконец-то, – вздохнула она. – Я хотела услышать это из твоих собственных уст. Я отдаю себе отчет, что Индира своенравна и избалована. Она младшая, с ней все носятся, и мы предоставляем ей больше свободы, чем следовало бы. Это моя вина. Я знаю, что она скучает по братьям и сестре, и ей было одиноко, пока не появилась ты. Тем не менее она не может ожидать, что все будут исполнять любой ее каприз, особенно когда речь идет о людях.

– Я люблю ее, – сказала я самые простые и правдивые слова, которые знала.

Махарани с улыбкой повернулась ко мне:

– Я знаю, Анни. Это написано у тебя на лице. Настоящая дружба, которая включает в себе любовь, преданность и доверие, – огромная редкость. Надеюсь, что вы сохраните ее на долгие годы. Тем не менее, – внезапно посерьезнев, махарани взяла меня за руки прохладными, тонкими пальцами, –

у тебя тоже есть своя жизнь, свои мысли и желания. Пообещай, что не побоишься сказать мне о них. Индира – сильная личность.

Айеша вновь улыбнулась:

– Как ни грустно, она похожа на меня. Не иди у нее на поводу, хорошо? Это может плохо кончиться для вас обеих.

– Да, ваше высочество, – ответила я, глубоко тронутая тем, что она считает меня достойной таких советов. В тот момент я поняла, почему знаменитую махарани Куч-Бихара обожают практически все, кому посчастливилось ее узнать. Она понимала человеческую природу.

– Через неделю приезжает твоя мама, и я с ней поговорю, – добавила Айеша.

– Спасибо, ваше высочество.

– Это я должна тебя благодарить, Анни. Моей дочери очень повезло иметь такую подругу.

Она отпустила мои руки и встала.

Десять дней спустя во дворец Куч-Бихар прибыла моя мама.

– Анни, ты так выросла! – воскликнула она.

Я повела ее на экскурсию по дворцу. Было заметно, что мама смущается при виде комнат, обставленных бесценными сокровищами, которые собирала махарани по всему миру. Я уже привыкла к окружающей меня роскоши.

– А где здесь зенана? – нервно спросила мама.

– Гм... ну, – я неопределенно помахала рукой, – где-то там...

– Но ведь махарани живет вместе с другими женщинами в зенане?

– Нет, мам, у нее свои отдельные комнаты.

Ведя маму по дворцу, я понимала, что ей не по себе. Вокруг сновали адъютанты и слуги-мужчины, не обращавшие на нас никакого внимания. Хотя мама занималась целительством и частично переняла папины прогрессивные взгляды, я видела, что ей неловко. Она никогда раньше не появлялась с непокрытой головой в присутствии мужчин.

– Вы с принцессой Индирой скоро станете девушками. Вы будете придерживаться пурды и жить в зенане?

– Не знаю, матаджи, – честно ответила я.

Мы сели во дворике рядом с нашей комнатой выпить чаю.

– Если хочешь, я спрошу у махарани. Или спроси сама. Я знаю только, что она и ее муж дружат с Рабиндранатом Тагором, которым так восхищался папа. Он не одобряет пурду, – сказала я, подсластив пилюлю упоминанием об отце.

Я до сих пор помню мамино взволнованное лицо: в ее сердце шла борьба старого с новым.

– Я бы хотела отдохнуть с дороги, – наконец промолвила она.

Я знала, что вечером маму пригласят в покои махарани. У меня замирало сердце при мысли, что она там увидит. Будуар Айеши представлял собой алтарь современного образа

жизни, и я с ужасом представляла, как испугает маму верховная жрица всего этого великолепия с ее французскими духами и прочими благами западной цивилизации.

Если мама решит, что меня здесь воспитывают не в настоящих индуистских традициях, она вправе забрать меня в Джайпур.

Переживала я зря. Как только мы втроем вошли в комнату, Айеша встала и устремила навстречу, чтобы поприветствовать маму. На махарани было мерцающее золотистое сари, ее шею украшало бриллиантовое кольцо, а в носу сверкала крупная рубиновая клипса, отражавшая свет хрустальной люстры.

– Для меня большая честь встретиться с вами, ваше высочество, – взволнованно сказала мама.

Глядя на этих двух женщин, я подумала, что они представляют собой две полные противоположности. Одна – невероятно красивая, богатая и независимая, другая – усталая, преждевременно постаревшая от жизненных тягот.

– Нет, это вы оказываете мне честь, – ответила махарани. – Ваша дочь – удивительная девочка, и нам несказанно повезло, что она здесь. Пойдемте, я покажу вам свою комнату для молитв, и мы совершим пуджу Брахме за то, что он благословил нас такими чудесными детьми.

С этими словами она провела мою маму мимо удивленных наблюдателей в соседнюю комнату и закрыла за собой дверь.

Четверть часа спустя они вернулись в будуар, болтая за-

просто, словно давние подружки. Мамина нервозность пропала без следа, и я мысленно поблагодарила богов за то, что махарани сумела найти к ней подход.

Мама попала под очарование Айеши в первый же вечер. Она восторгалась прекрасным вкусом своей новой подружки, ее обширными познаниями в поэзии, философии и других областях. Они увлеченно обсуждали аюрведу, и махарани заинтересовалась маминым даром предвидения.

– Мам, а ты ей гадала? – полюбопытствовала я однажды, когда она вышла из покоев махарани.

– Ты прекрасно знаешь, Анни, что это личное дело, – ответила она.

К концу первой недели мама уже спокойно гуляла со мной по саду на виду у обитателей дворца. Правда, она по-прежнему прикрывала лицо гунгхатом¹³; во всем остальном она восхищалась дворцом и его обитателями не меньше моего.

За день до маминого отъезда махарани призвала ее к себе на частную беседу. Мы с Индирой, зная, что именно они намерены обсуждать, караулили под дверью, не находя себе места от волнения.

– А вдруг мама захочет, чтобы я поехала с ней домой? Я там просто умру! – прошептала я.

Индира спокойно сидела рядышком, держа меня за руку.

– Не бойся, не захочет.

Как всегда, Инди оказалась права. Мама вышла, улыбаясь,

¹³ Гунгхат – часть одежды индийской женщины, подобие вуали.

и повела меня в комнату, чтобы поговорить с глазу на глаз.

– Махарани спросила, готова ли я оставить тебя в ее семье на постоянной основе, а также предложила дать тебе образование вместе с Индирой, а ведь этого так хотел бы твой папа.

– Да, матаджи, – пробормотала я.

– А еще она сказала, что понимает, как трудно мне будет без тебя, и предложила проводить несколько месяцев в году здесь – пока вы живете во дворце. Так что, дочка, хочешь остаться у них, когда я вернусь в Джайпур?

– О, мама... не знаю... – к моим глазам подступили слезы, – наверное, да. Я, конечно, буду страшно скучать по тебе, но папа был бы рад, что я смогу учиться дальше. А в Джайпуре это невозможно.

– Согласна, здесь больше возможностей. Ты всегда была особенной, моя милая девочка. – Она ласково потрепала меня по щеке. – Будешь писать мне каждую неделю?

– А как же, мамочка, хоть каждый день.

– Хватит и раза в неделю. Я приеду через четыре месяца, когда закончится сезон дождей.

– Я буду скучать.

– Я тоже. И помни, я всегда с тобой.

– Знаю, матаджи.

Мы крепко обнялись. Даже сейчас помню: она посмотрела на меня таким печальным взглядом, что я спросила:

– Может, все-таки поехать с тобой?

– Нет, Анни. – Она обратила взор к небесам. – Твоя судьба

– остаться здесь.

Мама уехала в Джайпур, нагруженная подарками от махарани. Хотя мое заветное желание сбылось и я могла теперь считать дворец Куч-Бихар своим постоянным домом, мне было чуточку неприятно, что мою мать, столь мудрую и духовно одаренную женщину, так легко убедили от меня отказаться.

Летом, когда наступила невыносимая жара и раскаленная земля впивалась даже в наши огрубевшие подошвы тысячами пчел, королевский двор вместе с остальными аристократами страны переместился в горные районы с их свежим, прохладным воздухом.

Мы отправились в Дарджилинг – чудесный регион на высоте чуть больше двух тысяч метров над уровнем моря, знаменитый зеленеющими по холмам чайными плантациями.

Тогда и начался мой пожизненный любовный роман с Дарджилингом. У меня поднималось настроение от захватывающего вида на Гималаи. Британцы тоже давно привыкли пережидать жаркий сезон в Дарджилинге, в силу чего город подвергся английскому влиянию, в том числе и в архитектуре. На склонах холмов выстроились ровные ряды белых коттеджей, названные в честь английских местностей, и весь город, в отличие от наших хаотичных поселений, был спланирован безукоризненно. Глядя на него, я мечтала когда-нибудь посетить настоящую Англию.

В Дарджилинге я познакомилась со старшими братьями

и сестрой Индиры – погодками пятнадцати, шестнадцати и семнадцати лет. Все трое приехали на каникулы из частных пансионатов в Англии. Они души не чаяли в Индире и баловали ее, как могли. Пятнадцатилетняя Минти казалась мне совсем взрослой и рассудительной. За ужином я увлеченно слушала их рассказы о жизни в Англии. Они учили меня играть в крикет на аккуратных зеленых лужайках, а средний брат Индиры, весельчак Абивант, развлекал карточными фокусами. Больше всего меня смущал наследный принц Радж, старший брат Инди, – такой красивый и обаятельный, что в его присутствии я буквально лишалась дара речи.

Дом был гораздо меньше, чем дворец в Куч-Бихаре, и жили мы по-семейному. Поскольку особняк стоял высоко в горах, куда можно было добраться только на лошадях или с помощью рикш, там царили тишина и спокойствие.

Красавец махараджа, которого я редко видела в Куч-Бихаре в силу его занятости государственными делами, проводил больше времени со своей семьей. Почти каждый день мы устраивали пикники в саду. В Дарджилинге я наблюдала жизнь, которой мне хотелось бы для себя в будущем. Я видела, как Айеша с мужем обмениваются тайными улыбками за обедом, как его рука незаметно проскальзывает ей на талию. Это напоминало мне моих родителей.

Управляя вдвоем целым королевством и будучи чрезвычайно занятыми людьми, они черпали силы во взаимном восхищении, любви и доверии.

В то лето мы с Индирой вставали чуть свет и скакали по крутым тропам к Тигриному холму, чтобы увидеть восход солнца над Эверестом. А то отправлялись на рынок в центре города, где продавали всякую всячину торговцы из Тибета и Бутана в огромных меховых шапках. Я чувствовала себя невероятно счастливой: семья Индиры приняла меня, как родную.

Мое детство трудно назвать беззаботным, и все-таки тогда я еще не понимала, как быстро может все измениться. Безоблачное счастье на каком-то этапе жизненного пути не обязательно гарантирует, что так будет всегда.

Менее удачливым жителям Индии, оставшимся в стороне от нашего горного рая, в том сезоне не повезло. Внизу бушевали песчаные бури; даже через незаметную трещину в стекле за ночь могло нанести полный дом пыли. Разбухшие от непрерывных дождей реки выходили из берегов, смывая все на своем пути.

Кроме того, наступил сезон чумы – время, когда каждая мать боится за своих детей. Бродя как-то по кладбищу Дарджилинга, я с удивлением обнаружила много детских могил – не только индийцев, но и англичан. Множество людей каждый год умирало от тифа, малярии и желтой лихорадки. То лето выдалось особенно тяжелым: в разных частях страны то и дело возникали вспышки чумы.

Однажды августовской ночью мне приснилась целая серия страшных снов, и я проснулась в холодном поту, с ощу-

щением невыразимого ужаса. Через неделю меня попросили явиться в гостиную махарани. Пока я шла, сердце выскакивало у меня из груди. Когда мама сказала, что я унаследовала ее дар, я не поверила, но в тот день меня охватило страшное предчувствие. Я уже знала, что скажет Айеша.

Махарани держала в руках письмо. Она указала на кушетку, чтобы я села рядом с ней.

– Милая Анни, даже не знаю, как сообщить тебе страшную новость.

– Как умерла моя мама?

Я впервые в жизни увидела, что Айеша растерялась.

– Я... кто тебе сказал? Я получила письмо только сегодня утром.

– Я просто... знала, – ответила я, едва сдерживая слезы.

– Говорят, некоторые люди чувствуют, когда уходят близкие, – сказала она, овладевая собой, – а ты, Анни, невероятно восприимчива к таким вещам. Как ни печально, ты права. Твои мама, тетя и дядя спасались от жары в горах. К несчастью, однажды ночью произошел оползень, который погубил всю деревню. Никто не выжил. Мне очень жаль, милая Анни. Ты потеряла не только маму, но и тетю с дядей, и пятерых кузин и кузенов.

Я сидела ни жива ни мертва, чувствуя тепло ее руки, вспоминала свою маму, тетю, дядю и их детей – самому младшему не исполнилось и двух лет – и никак не могла примириться с тем, что их больше нет.

– Если мы можем чем-то помочь, только скажи, Анни.

Я покачала головой, слишком убитая горем, чтобы произнести хоть слово.

– Это случилось неделю назад, – продолжала махарани. – Поиски тел продолжаются. Если их найдут, тебе, разумеется, придется поехать в Джайпур на похороны.

– Да, – сказала я, хотя мы обе знали, что их не найдут. Моя мама навсегда останется лежать в иссушенной солнцем, спекшейся красной земле.

– Наверное, ты захочешь пойти в храм помолиться. И вот, возьми, – махарани протянула мне белую тунику из тончайшего шелка. – Я всегда находила утешение в том, что мы, индийцы, носим белое, а не черное, оплакивая своих близких. В мире и без того хватает печали. И еще... милая Анни, не бойся за свое будущее. Я оторвала тебя от семьи и теперь за тебя отвечаю, понимаешь?

Я тогда мало что понимала. И все же кивнула.

– Помни: те, кого мы любим, всегда с нами, даже если мы их не видим, – добавила она.

Я молча встала, не в силах найти утешение в ее словах.

Я надела белую тунику, и за мной прислали адъютанта, который отвез меня на рикше в небольшой индуистский храм. Я в одиночестве принесла подношения богам и прочла молитвы, чтобы облегчить путь умершим. Затем села перед богами, опустив голову на колени. Мне страстно хотелось ве-

рять, чувствовать, что мама по-прежнему со мной, однако осознание чудовищной реальности заставляло думать о том, как жить дальше. Я осталась сиротой; у меня нет ни денег, ни собственности: полная зависимость от милостей королевской семьи. Я даже замуж не смогу выйти – ни один приличный мужчина не позарится на сироту без приданого.

В тот день в храме я плакала не только о своей потерянной семье, но и о недоступности жизни, какой желал для меня папа. Он так мечтал, что я смогу применить свой пытливый, смелый ум, который он старательно питал и взращивал. У меня безжалостно отобрали это будущее.

Чья-то рука вцепилась мне в плечо; я не шелохнулась.

– Анни, мне мама сказала, какой ужас, мне так жаль, так жаль... – донесся голос Индиры. – Не плачь, Анни, я не дам тебя в обиду, никогда, обещаю. Я люблю тебя. – Она протянула мне руку, и я вцепилась в нее, как в спасательный круг.

Она обняла меня, словно пытаясь защитить своим худеньким телом от всех бед. Мы долго так сидели, а затем я встала, навсегда попрощалась со своей семьей и ушла из храма рука об руку с единственным человеком в мире, которому была небезразлична.

Поздно вечером я не могла уснуть и, осторожно убрав с плеча теплую руку Инди, вышла на веранду. Меня охватила приятная ночная прохлада, над головой ярко сияли звезды.

– Мамочка, я должна быть с тобой – там, наверху, а не

здесь, совсем одна, – прошептала я. Горюя по маме, я понимала, что если бы уехала с ней в Джайпур, то покинула бы этот мир вместе с родными.

Внезапно раздался странный высокий звук, похожий на пение. Оглянувшись, я убедилась, что вокруг никого нет. Пение, напомнившее мне материнские колыбельные, продолжалось, утешая и успокаивая.

Я вдруг вспомнила мамины слова и поняла, что услышала его впервые, а значит, мне передан дар мамин. Мой черед еще не настал, я нужна кому-то в этом мире.

Спустя месяц, когда дожди почти прекратились и стало прохладнее, мы вернулись в Куч-Бихар, и меня разыскала пожилая женщина, которую я мельком видела во дворце раньше.

– Анахита, пойдем со мной.

Она провела меня в тихий уголок, чтобы спокойно поговорить.

– Ты знаешь, кто я?

– Нет.

– Меня зовут Зена, я – вайдя и делаю здесь то же, что твоя мать в Джайпуре.

Она внимательно посмотрела на меня бездонными черными глазами.

– Вы целительница?

– Да. Когда Тира навещала тебя, она, очевидно, предчув-

ствовала, что скоро умрет, и просила передать тебе это, если с ней что-то случится.

Зена протянула мне небольшой полотняный мешочек, перевязанный бечевкой.

– Я не знаю, что там. Пойди в укромное местечко и посмотри сама.

– Хорошо. Спасибо, что передали, что бы там ни было. – Я благодарно поклонилась и встала.

– Твоя мама сказала, что ты обладаешь даром целительства, и просила тебе помочь, – продолжала женщина. – Я вижу, что она была права. Если хочешь, научу тебя всему, что знаю.

– Когда я была маленькой, мама говорила, что мне это передастся, – взволнованно ответила я, – и я знала, что она умерла, еще до того, как мне сообщили.

Зена улыбнулась и поцеловала меня в лоб.

– Найди меня, когда будешь готова начать.

– Спасибо.

Я поспешила в свою любимую беседку, посвященную Дурге – богине женской силы, спрятанную в тени деревьев, где любила в уединении читать книги и размышлять. Села, скрестив ноги, и нетерпеливо развязала бечевку. Я понимала, что в этом мешке – последние подарки от мамы, хотя не представляла, что это может быть.

Я осторожно достала из мешка конверт, адресованный мне, толстую тетрадь в кожаной обложке и мешочек по-

меньше, тоже крепко завязанный. Я решила сначала открыть письмо.

Милая Анни!

Дорогая моя дочь, надеюсь, что я ошибаюсь, но в ночь перед отъездом из Куч-Бихара я услышала пение духов и поняла, что должна быть готова. Я не знаю, когда это произойдет. И хорошо, потому что люди не должны жить в страхе. Милая Анахита, моя любимая, единственная дочь, если ты читаешь эти слова, то я уже далеко от Земли. Когда-нибудь ты поймешь: те, кого мы по-настоящему любим, всегда с нами. Анахита, ты – особенная. Все родители думают так о своих детях, но ты пришла в этот мир не просто так. Твой путь будет нелегким, и помни, что жизнь может поставить тебя в сложные ситуации. Если ты не будешь знать, как поступить, прошу тебя, используй свой дар. Он никогда не подведет.

Возможно, ты слышала пение духов, когда я уходила: со мной было так, когда ушла моя мать. Я знаю, сейчас ты чувствуешь себя одинокой. Не надо, милая Анни, я не бросила тебя. Нашей жизнью управляют высшие силы, и так должно было случиться. Возможно, я сейчас с ними и начинаю понимать.

Дар, который ты унаследовала, – одновременно благословение и проклятие. Он может погрузить тебя в пучину горя, когда ты узнаешь о смерти того, кого любишь, а может поднять к звездам, когда твои необычные способности помогут исцелять людей.

Ты узнаешь на своем жизненном пути, дочь моя, что любая сила применима как во благо, так и во зло. Я верю, что ты мудро распорядишься своим даром.

Тебе передаст это письмо Зена, которой я полностью доверяю. Доверься ей и ты. Пусть она научит тебя всему, что знает: ей известно, кто ты. Она же передаст тебе мою книгу аюрведических формул и рецептов. Это древняя книга, которая передается в нашей семье из поколения в поколение. Надеюсь, она поможет тебе в жизни. Береги ее, в ней заключены знания и мудрость твоих предков, женщин с удивительными способностями.

Передаю тебе также то, что твой папа называл нашей «страховкой». Надеюсь, содержимое мешочка придаст тебе уверенности. Должна добавить, что твой отец показал мне эти камни только перед своей смертью. Я не знаю, сколько они стоят и где он их взял. Возможно, он рассчитывал на них как на твое приданое. Распорядись ими, как считаешь нужным.

Милая моя дочь, не позволяй горю и отчаянию помешать тебе, постарайся прожить такую жизнь, какой желали для тебя мы с твоим отцом. Не думай, что мы подвели тебя, – в минуту, когда ты читаешь это письмо, мы вместе смотрим с любовью на тебя с небес.

Как говорил твой папа, будь верна себе. Будь хорошим человеком, что бы ты ни делала.

Люблю, целую, твоя мама.

Я перечитывала письмо много раз, потому что сначала не

могла разглядеть написанного из-за слез. Затем дрожащими руками открыла мешочек. В нем лежало три камня, с виду похожих на самые обычные, которые валяются на земле по всей Индии. Я повертела в руках самый крупный, не понимая, почему папа назвал их «страховкой», вернула камушки в мешочек, встала и пошла во дворец.

Лишь через несколько недель я узнала их настоящую стоимость. К махарани приехал торговец драгоценностями, чтобы она выбрала камни для нового кольца, которое хотел подарить ей муж. На подносе лежали точно такие же камни, как мои; ювелир взял специальный инструмент и стал откалывать кусочки верхнего слоя. Когда внутри блеснуло что-то красное, я поняла: папа оставил мне в наследство три рубина.

Я решила отнести мешочек с камнями обратно в беседку, руками выкопала в углу ямку и спрятала его там. Мама была права: я не знала истинной стоимости рубинов, но чувствовала себя более защищенной, имея что-то на черный день, и на сердце стало немного легче.

Когда Индира была занята своими делами, я проводила дни в саду с Зеной. Не имея намерения становиться хозяйкой и готовить снадобья по рецептам из кожаной тетради, я все же чувствовала себя обязанной выполнить волю матери. Просмотрев тетрадь, Зена преисполнилась ко мне еще большим уважением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.